

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

род. 1773 † 1842 г.

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ изъ общаго семейнаго архива Филадельфа Васильевича Каразина, еще нѣсколько документовъ, знакомящихъ съ дѣятельностью его достойнаго родителя, Василія Назаровича, считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ главнѣйшіе факты изъ біографіи этого замѣчательнаго челоука.

В. Н. Каразинъ, виновникъ существованія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія и харьковскаго университета, родился 30 января 1773 г. въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кручиѣ, которое дано было его отцу, полковнику Назару Александровичу Каразину, Екатериною II, въ награду за военные подвиги во время турецкой войны, окончившейся славнымъ Джучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. На 10-мъ году возраста лишился своего отца. Находился тогда въ частномъ пансіонѣ, въ Харьковѣ. По собственному побужденію подалъ фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, — который проѣзжалъ въ то время чрезъ Харьковъ и зналъ его покойнаго отца, — просьбу о принятіи его въ военную службу. Былъ записанъ въ орденскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ. Продолжалъ учиться въ пансіонахъ въ Харьковѣ и въ Бременчугѣ. На 18-мъ году поступилъ на дѣйствительную службу лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ, сержантомъ. Закончилъ образованіе

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 532 и 1871 г. т. III стр. 16 «Письмо В. Н. Каразина къ имп. Николаю Павловичу, отъ 18-го октября 1826 г. съ приложеніемъ писемъ его же къ имп. Александру I-му и къ гр. В. П. Кочубеву 1820 г.»; — см. также въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 307: «Польскій вопросъ въ 1839 г.», статья В. Н. Каразина. Ред.

слушая лекціи въ горномъ корпусѣ. Зналъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій; на родномъ—писалъ въ 90-хъ годахъ какъ пишутъ теперь. Любилъ особенно естественныя и политическія науки. При Павлѣ хотѣлъ оставить Россію, но былъ задержанъ на границѣ. Получилъ всемілостивѣйшее прощеніе за откровенность признанія, что бѣжалъ отъ строгости правленія. Опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ по государственному казначейству. По собственному желанію, высочайше одобренному, занимался разборомъ архивовъ: иностранныхъ дѣлъ и разряднаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ для собранія матеріаловъ къ исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Матеріалы эти передалъ государственному казначею, за что и былъ награжденъ производствомъ черезъ чинъ.

При вступленіи на престолъ Александра I, Каразинъ подалъ записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Былъ приближенъ къ особѣ государя императора. Пользовался особою монаршею милостію три съ половиною года. Въ это время учреждено, по проектамъ Каразина, министерство народнаго просвѣщенія, пересмотрѣны уставы всѣхъ академій и университетовъ, основанъ новый университетъ въ Харьковѣ на суммы пожертвованныя, по его убѣжденіямъ, мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ, и предположено еще два: въ Новгородѣ и въ Казани. Въ 1804 году вышелъ въ отставку, замѣтивъ охлажденіе къ нему государя *). Предлагалъ свои услуги на пользу Сербовъ, которые искали тогда покровительства Россіи. Получивъ отказъ, удалился на свою родину и предался любимымъ своимъ за-

*) Къ охлажденію этому не мало содѣйствовали такія, напригѣръ, вещи: гается на одномъ изъ эрмитажныхъ литературныхъ вечеровъ трагедія Шиллера «Донъ-Карлосъ»—съ боку раздается въ полголоса, но такъ, чтобы государь слышалъ: «и у насъ уже являются маркизы де-Поза» (намекая этимъ на податливости государя къ мнѣніямъ Каразина, подобно какъ Донъ-Карлосъ былъ податливъ къ мнѣніямъ маркиза де-Поза). Или: посылается Каразинъ по секретному порученію въ Калугу, государь ему туда пишетъ; по возвращеніи встрѣчаютъ его словами: «а, ты уже хвастаешься всѣмъ моею съ тобою перепишкой!»—а Каразинъ и не думалъ ею хвастаться, ни съ кѣмъ даже не говорилъ о ней и самъ удивленъ былъ въ Калугѣ тѣмъ, что письмо привезено ему было на квартиру самимъ почтмейстеромъ, явившемся въ полной формѣ, между тѣмъ какъ ни почему, кромѣ развѣ печати, нельзя было догадаться отъ кого письмо было. Или: «по моему, ваше величество, это есть вѣрнѣйшее средство нанести 5 милліоновъ враговъ и возбудить противъ себя мнѣніе всей цивилизованной Европы»,—замѣчаетъ совоспитанникъ царскій, по поводу поданной Каразинимъ записки о присоединеніи униатовъ къ прежней ихъ церкви;—и записка оставляется безъ послѣдствій, а Каразинъ теряетъ довѣріе, и много подобныхъ случаевъ было.

Ред.

22

нѣтямъ: домоводству и естественнымъ наукамъ, въ особенности химіи. Далъ своимъ крестьянамъ неотъемлемую собственность и обезпечилъ ихъ личность отъ помѣщичьяго произвола. Устроилъ въ селѣ кожевенный и селитроваренный заводы на новыхъ началахъ, открытыхъ ему наукою. Учредилъ въ Харьковѣ филотехническое общество, высочайше одобренное въ 1811-мъ году, имѣвшее цѣлю развитие въ полуденномъ краѣ Россіи земледѣлія и промышленности. хлопоталъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ европейской и азіатской Россіи метеорологическихъ обсерваторій для приведенія метеорологіи въ науку точную, полезную въ общежитіи; предлагалъ приспособленіе паровъ къ движенію судовъ на простѣйшихъ началахъ, а также къ отопленію домовъ. Заботился и словомъ и дѣломъ: о сбереженіи лѣсовъ; о дешевѣйшемъ храненіи зернового хлѣба; о продовольствіи армій и флотовъ, во время походовъ, концентратами съѣстныхъ припасовъ, не подвергающимися порчѣ и требующими весьма мало мѣста; о тушеніи пожаровъ примѣсю въ воду химическаго состава, очень недорого стоящаго; объ очищеніи рѣкъ въ городахъ самымъ простымъ способомъ; объ улучшеніи винодѣлія, и проч. — Скончался въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма (гдѣ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія) въ Харьковъ, 4 ноября 1842 года. Былъ женатъ на внукѣ писателя дѣяній Петра Великаго, Ив. Ив. Голикова, падчерицѣ перваго свекло-сахарнаго заводчика въ Россіи инженеръ-генералъ-маіора Бланкеннагеля, Александрѣ Васильевѣ; имѣлъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ нынѣ находятся въ живыхъ только трое: дочь, живущая въ Харьковской губерніи, Пелагея Васильевна и два сына, Филладельфъ Васильевичъ, живущій въ Петербургѣ и Николай Васильевичъ, живущій въ Москвѣ.

Вслѣдъ за нашей замѣткой о жизни В. Н. Каразина — считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Ф. В. Каразинымъ. Строки эти, вызванныя нѣкоторыми критическими отзывами, помѣщенными въ газетахъ по поводу письма В. Каразина 1826 г. („Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 532 и 1871 г., т. III, стр. 16). объясняютъ сущность взгляда В. Н. на проектированное имъ государственное устройство Россіи. Вотъ замѣтка Ф. В. Каразина:

„Въ природѣ проявляются, вездѣ и во всемъ, двѣ силы, одна другой противоположныя: одна притягиваетъ къ себѣ все, другая отталкиваетъ; одна положительная, другая отрицательная; плюсъ и минусъ; кислородъ и азотъ; жаръ и холодъ; свѣтъ и тьма.

„Серѣдка между этими двумя силами, между этими двумя крайностями, точка ихъ уравновѣшенія, производитъ правильное

движеніе. Уклоненіе въ ту или другую сторону гибельно: тѣло летитъ или въ бездонную пропасть, или въ недосыгаемую высь. И замѣчательно что дѣйствіе, производимое обѣими крайностями, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, одинаково: металлъ, снятый съ огня и съ трескучаго мороза — одинаково жжетъ безвѣріе и суевѣріе — одинаково вредны для обществъ.

„Въ политическомъ отношеніи вѣрности суть: деспотизмъ и анархія; безграничность единовластія и необузданность воли каждаго гражданина; Іоаннъ Грозный и Робеспьеры съ компаніей. Серѣдка, политическая истина: монархія, опирающаяся на общественное мнѣніе.

„Этой серѣдки придерживался В. Н. Каразинъ отъ начала своего политическаго поприща и до конца жизни. И за это его называли, и до сихъ поръ, — увы! — называютъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ двойственнымъ и даже забавнымъ....

„Онъ былъ убѣжденъ, что соединеніе самостоятельности власти съ свободой каждаго выражать свое мнѣніе — возможно; что это есть единственная форма правленія, обеспечивающая благоденствіе страны*). А при такомъ убѣжденіи нельзя было не считать гибельнымъ для страны всякое сопротивленіе установкѣ такого правленія. Вотъ почему онъ одинаково возставалъ и противъ произвола власти и противъ ея раздробленія. Къ послѣднему стремились тайныя общества, которыя онъ и называлъ злокозненнымъ духомъ, парившемъ надъ Россіей, и считалъ святою обязанностію каждаго добраго гражданина противудѣйствовать ему.

„Гдѣ-же тутъ двойственность?!

„Въ чемъ же тутъ забавность?!

Ф. Каразинъ.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что идеалъ правленія есть республика, но только (бездѣлица!) — тамъ, гдѣ послѣдній земледѣлецъ можетъ, по образованію, быть президентомъ.
Ф. Каразинъ.

Поправки. Считаю не лишнимъ оговорить слѣдующія маленькія погрѣшности, нами замѣченныя въ статьѣ В. Н. Каразина: «Рус. Стар.» 1871 г. т. III стр. 16 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «не считать справедливымъ» должно быть: «не отдать справедливости». Стр. 17, на предпоследней строцкѣ, вмѣсто «раздается», б. — «раздастся». Стр. 31 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «абата Николая» д. б. — «абата Николая». Стр. 33, отъ верху 14 строка, вмѣсто: «сдѣлаются» д. б. — «дѣлаются». Стр. 34, отъ верху 11 строка, вмѣсто: «Совѣтъ», д. б. — «совѣтъ» Стр. 35, пятую строку соединить съ шестю.

I.

Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи.

Разсужденіе, читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей словесности.

1-го марта 1820 года *).

Россія, отечество наше, отечество двадцати различныхъ племенъ, слившихъ кровь свою въ единый народъ, счастливо соединенныхъ подъ одною державою, идетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію: общей цѣли человѣческаго рода. Конечно, ея правительство есть то орудіе Провидѣнія, которому мы должны предоставить наибольшее, наиважнѣйшее въ себѣ участіе. Но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать?... Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества.

Два главнѣйшія средства есть для распространенія и утверженія началъ, соотвѣтствующихъ просвѣщенію. Первое: воспитательныя и учебныя заведенія; второе: общественное, т. е., публичное наставленіе. Сіе послѣднее лишь совмѣстно съ возможностью частныхъ людей; ибо вліяніе ихъ на упомянутыя заведенія, при мощномъ и непрерывномъ вліяніи правительства, едва ли что можетъ значить. Но публичное наставленіе совершается съ большимъ уже приличіемъ слушателями вѣры въ храмахъ ея, учеными въ издаваемыхъ ими книгахъ. Выраженію ученыхъ, я даю здѣсь все пространство французскаго слова: *homme de lettres*. Ученые, для совокупнаго дѣйствія, составляютъ изъ себя сословія, повсюду просвѣщенными правительствами допускаемыя.

Мысль, что мы должны имѣть ученые общества и ученые повременныя изданія, какъ другіе образованные народы ихъ имѣютъ, слишкомъ неопредѣленна! Я желалъ бы знать, каковымъ, въ настоящемъ положеніи нашемъ, должно быть этимъ обществамъ, этимъ изданіямъ, для достиженія цѣли?... Всякій видитъ, что онѣ, т. е. первыя, чрезъ послѣднихъ должны дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Къ величайшему нашему счастью у насъ, россиянь, мнѣніе это об-

*) Въ письмѣ В. Н. Каразина къ императору Николаю I, помѣщенному во II-мъ томѣ «Русской Старины», упоминается объ этомъ разсужденіи (см. стр. 535); почему и считаемъ нужнымъ представить его нашимъ читателямъ, какъ необходимое къ тому письму приложеніе. Настоящій документъ, какъ и всѣ находящіяся въ распоряженіи «Русской Старины» бумаги Каразина — сообщены намъ почтеннымъ его сыномъ, Ф. В. Каразинымъ. Ред.

разуется въ такомъ вѣкѣ, который ясно открываетъ послѣдствія различныхъ системъ вѣковъ прошедшихъ. И сіе общественное мнѣніе, если оно составитъ вполне, тѣмъ будетъ чище, тѣмъ спасительнѣе, что оно начало образоваться въ высшихъ классахъ народа. Достойнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники, служащіе правительству, помѣщики, лучшее купечество, благовоспитанные художники: не чернь, собирающаяся изъ питейныхъ домовъ на площади, какъ въ Англіи и Франціи, будутъ у насъ имѣть голосъ. Посему, любимыми основаніями нашихъ писателей (независимо даже отъ личныхъ началъ ихъ) не могутъ быть ни мнимыя права человечества, ни свобода совѣстей, столько препрославленные и столько во зло употребленные въ XVIII вѣкѣ. Порядокъ, естественная зависимость одного состоянія отъ другого, взаимныя ихъ должности и услуги, добрыя нравы для всѣхъ, постепенное просвѣщеніе по приличію каждаго состоянія: просвѣщеніе, непосредственно дѣйствующее на пользу каждаго, а не устремляющее духъ въ гаданія—таковы будутъ политическіе предметы наши! Въ счастію, иные и по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ не возможны. Если бы легкомысліе усиливалось производить, а учрежденный за нимъ надзоръ могъ допускать сочиненія въ другомъ духѣ; то кто станетъ имъ рукоплескать?.. *). Съ другой стороны, святая привычка, наслѣдованная нами отъ нашихъ предковъ, привычка уважать старѣйшихъ, не совѣтъ еще изглажена чужеземнымъ воспитаніемъ и чужеземными обычаями. Супружескія и родственныя связи составляютъ еще предметъ общаго почтенія. Религія никогда еще не была у насъ публично оскорблена. По каковымъ причинамъ, необузданность юношеская, сколь великою ея ни предполагать при нерадивомъ иногда, или при лицемѣрномъ воспитаніи (ибо и то, и другое одинакія слѣдствія производить!) не можетъ имѣть у насъ никакого вліянія на общественное мнѣніе.

Изъ сего слѣдуетъ, что воляныя наши общества, если только онѣ хотятъ значить нѣчто и дѣйствовать, по необходимости должны быть составлены изъ людей ума зрѣлаго, или, по крайней мѣрѣ, неспорченнаго, допускающаго благонамѣренное вліяніе на себя просвѣщенной опытности. Другое условіе, которое также истекаетъ изъ

*) *Egunt verba et voces, praeterelaeque nihil.* Я иногда дивлюсь статьямъ нашихъ журналовъ. Готовъ побожиться хотя, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія: а такъ! просто по нашей (русской привычкѣ) копировать иностранныхъ. Сюда принадлежитъ прославленіе разныхъ американскихъ областей, ихъ конституцій, и т. д. Подумали бы хоть разъ эти господа, кому у насъ адресуютъ свои они восклицанія?... Наши Санкюлоты читать не умѣютъ.

В. Караянъ,

обстоятельствъ: нужно, чтобъ люди сіи имѣли познанія. И Ломоносовъ имѣлъ ихъ, уже въ первой юности нашей литературы! Но теперь, когда публика требуетъ замѣтій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзією, которая только что поэзія; прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ? Подобно, какъ соглашаюсь, чтобы такъ-называемыя легкія стихотворенія и переводы невинныхъ романовъ были забавою домашнихъ бесѣдъ, игрою изощряющею умъ для произведеній болѣе важныхъ; подобно, я охотно допускаю дружескія собранія молодыхъ людей, производящихъ вечера во взаимномъ себѣ упражненіи, въ правлахъ и тонкостяхъ словесности. Но . . . выносить въ публику, какъ бы въ наставленіе ея, переводъ пустой повѣсти, или нѣсколько строкъ заостренныхъ римомъ *), верхъ достоинства коихъ то, что онѣ писаны не противъ грамматики, кажется мнѣ столь же непростительнымъ, какъ и сословія публичныя, утвержденныя правительствомъ, употреблять на распространеніе такового дѣтства. — Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Онѣ должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Онѣ должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной власти устроеннымъ; скажу болѣе: онѣ должны стараться превзойти ихъ въ дѣятельности буде возможно, стараться вознаграждать, если что ими упускается. Отважившись на себя обратить вниманіе цѣлаго отечества, 50-ти губерній, 50-ти ц а р с т в ѣ можно сказать: ибо есть царства Европы, уступающія и пространствомъ и числомъ народа одной изъ губерній россійскихъ; особливо, дѣйствуя изъ столицъ, каковы: Москва и С.-Петербургъ, изъ средоточія нашего правительства, законовъ, людности, просвѣщенія,—общества сіи могутъ ли посрамить себя. Не обязанъ ли онѣ разливать полезныя знанія, образовывать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, е намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ!.. Какъ, мм. гг., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчаютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа тогда, какъ мы имѣли уже Екатерину! — А у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни од-

*) Выраженіе А. С. Хвостова.

ного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы; добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библиотекъ, ждуть почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды.—А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ *), соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!... преподавать не стыдась; и называться соревнователями просвѣщенія!.. Позвольте мнѣ думать лучше о сословіи, которому мы дали такое имя, такія правила, которое поручили такому у покровительству; въ которое мы пригласили членовъ, каковъ знаменитый нашъ историографъ, въ которое готовы вступить люди, извѣстные по своимъ знаніямъ, которое, на послѣдокъ, существуетъ въ столицѣ, обращающей на себя взоры исполнинской нашей Россіи и другихъ земель **).

Весьма справедливо, мн. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще, съ жизнію человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы словесности, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ учености. За то, ученость эта отъзнавалась съ каедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физиогномія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Здѣсь должно было встрѣчать одни цвѣты, тамъ одни тернія. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ, говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и безцѣнные перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ-называемая словесность, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. Это орудіе, а не предметъ искусства: краски, не картина! Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

Вмѣсто того, чтобы описывать въ десяти тысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ же дарованія, тоже счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія, дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ

*) Т.-е. горохъ. См. Соревнователь 1819 г., кн. XI, стр. 103. В. Каракинъ,

**) Одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужей въ государствѣ, попечитель нашъ графъ В. П. Кочубей, сказалъ при поднесеніи ему нами адреса: «Отъ васъ, милостивые государи, совершенно отъ васъ зависитъ быть полезными и обществу ваше сдѣлать значительнымъ въ самой большой мѣрѣ!... И я готовъ буду вамъ помогать!» Какой совѣтъ въ короткихъ, скромныхъ словахъ! В. Каракинъ.

правы ея разнovidныхъ обитателей, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чуччи, до индѣйца, благоговѣнно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинимъ испытаемъ углубиться въ исторію народовъ. И такъ далѣе... Прекрасныя начала къ сему у насъ сдѣланы въ нѣсколькихъ книжкахъ „Соревнователя“ 1818 и 1819 годовъ. Немногіе еще въ Россіи бесѣдовали о наукахъ языкомъ, имъ соответствующимъ, и притомъ привлекательно: другое, особливо для насъ, россіянъ, необходимое условіе! Помѣщая же иногда, разнообразія ради, другіе отрывки, или и повѣсти, сочиненныя или переведенныя (хотя бы то было изъ первѣйшихъ авторовъ!), прежде всего разсмотримъ, точно ли они ведутъ къ вышеизъясненной цѣли? Да и переводы могутъ ли служить образцами въ своемъ родѣ? Ибо мы должны дѣйствовать и на языкъ.

Для поэзіи же какое поле передъ нами!... Пора перестать быть раздражателями только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ языка боговъ *) достойное употребленіе! вмѣсто того, чтобы нѣжить, баловать воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою грацій разбудить въ сердцахъ любовь къ наукамъ, къ должностямъ, къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной просвѣщенному чловѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія **)? У самихъ васъ, мм. гг., я видѣлъ уже прелестнѣйшіе образцы въ семь родѣ. Какая-нибудь басня Ѳ. Н. Глинки ***), какая-нибудь идилия В. И. Панаева, нѣсколько сценъ изъ трагедіи Б. М. Ѳедорова****), которыя имѣлъ я удовольствіе слышать, въ ожиданіи появленія въ свѣтъ ихъ цѣлаго, бывъ какъ цвѣты разбросаны среди другихъ статей нашего журнала, украсятъ его конечно, и вмѣстѣ будутъ соответствовать благородной цѣли, которую мы имѣть должны. Не почитайте меня педагогомъ, мм. гг., съ сѣдыми моими волосами охуждающимъ то, что меня самого восхищало въ молодости, школьною своею

*) Такъ называли въ древности поэзію.

В. Каразинъ.

**) Рѣдко можно благотворить деньгами; а еще рѣже одними деньгами.

В. Каразинъ.

***) Наприм.: Дитя и птичка. 1819 г. кн. VII, стр. 89. Равно и въ прозѣ неужели, наприм., письмо г. Лажечникова, которое печатается во II книжкѣ 1820 г. или сцены изъ комедіи г. Загоскина: Добрый-малый, которыя были читаны въ собраніи, менѣе занимательны для самаго воображенія, нежели иной помѣщенный у насъ романъ?

В. Каразинъ.

****) Смерть Кесарева. Авторъ въ ней обнаруживаетъ не республиканскія начала, и весьма удачно состязуется съ Вольтеромъ.

В. Каразинъ.

феридею разгоняющимъ Эротомъ, опрокидывающимъ чаши Анакреоновы, смѣшно возстающимъ на новыхъ Овидіевъ и Тибулловъ. Никто имъ не возбраняетъ писать элегіи и прельщать ими Кориннъ. Но позвольте усумниться въ томъ, что ежели бы при Августѣ или Траянѣ Римъ имѣлъ періодическія сочиненія, и при томъ издаваемыя обществомъ, удостоеннымъ покровительствомъ государя, элегіи тѣ нашли въ нихъ мѣсто *).

Будемъ все читать здѣсь на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ: но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное! Сдѣлаемъ даже распредѣленіе, чѣмъ кто изъ насъ долженъ заняться на сей конецъ.

Я сокращаю мои разсужденія, мм. гг., сказавъ, что нашъ Соренователь долженъ быть, кажется, издаваемъ на другихъ правилахъ. Работая два мѣсяца въ комитетѣ, имъ исключительно занимающимся, я нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никоимъ образомъ невозможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Почему и беру теперь смѣлость предложить о назначеніи нѣсколькихъ (не болѣе трехъ, если можно) избранныхъ особъ, для составленія плана на предбудущее время, который бы больше соотвѣтствовалъ первымъ двумъ статьямъ высочайше утвержденного устава нашего.

Василій Карзинъ.

Примѣч. Считаемо не лишнимъ замѣтить, что В. Н. Карзинъ въ эпоху составленія «разсужденія» былъ помощникомъ предсѣдателя въ томъ самомъ обществѣ любителей «русской словесности», дѣятельность котораго онъ близко принималъ къ сердцу.

Ред.

II.

Письмо В. Н. Карзина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы.

Въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства отъ 12-го октября прошедшаго года, вы изволили требовать отъ меня увѣдомленія: „какимъ образомъ повинности съ поселянъ моихъ, мнѣ, какъ помѣщику, слѣдующія, обращены въ денежный счетъ, и какія по сему установлены мною однажды навсегда правила?“

На письмо это я имѣлъ честь отвѣчать немедленно, не удовлетворивъ однакожъ вашему требованію, а покорнѣйше просилъ только

*) Не имѣю кажется нужды оговаривать, что я не всѣ элегіи, даже и не всѣ шарady желаю отклонить отъ помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Дѣло только въ томъ, чтобъ онѣ строго соотвѣтствовали цѣли В. Карзинъ.

повременить пока я, какъ человѣкъ обремененный, по положенію моему, домашними суетами, найду довольно досуга, чтобъ написать сіе увѣдомленіе, которое съ подробностями своими можетъ быть обширно: ибо оно содержитъ въ себѣ весь образъ моихъ мыслей о помѣщикахъ и поселянахъ, на которомъ основаны мои сельскія учрежденія.

По случаю бытности моей теперь въ Москвѣ, имѣя довольно свободнаго времени, я обязанностію поставляю не медлить болѣе исполненіемъ моего долга; но прошу простить меня, м. г., если мое письмо перейдетъ предѣлы письма обыкновеннаго.

Славная задача с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества, предложенная въ 1766 году: „что полезно для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю, или только движимое имѣніе? И какъ далеко его права на то или другое имѣніе простираются должны?“ будетъ моимъ предметомъ, ибо она болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена на моемъ имѣніи.

Признаюсь вашему превосходительству, что задача эта занимала меня отъ самой моей молодости, когда я, въ 1792 году, вступилъ въ управленіе наследственнаго мнѣ имѣнія, пожалованнаго императрицею Екатериною II моему покойному отцу. Но мысли мои, въ то время, были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ живыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири протеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ осьмнадцатаго вѣка. Обманутое воображеніе наше носилось тогда въ мечтательномъ мірѣ, который не былъ, и едва-ли когда можетъ быть дѣйствительнымъ: въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно достойными вольности неограниченной и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ,—и для меня. Власть, въ умахъ самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, т.-е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Провидѣніемъ употребляемыхъ для всевозможнаго счастья на сей землѣ;—не выраженіемъ общей воли (которая прямо общему никогда быть не можетъ), но вліяніемъ самого Божества, которое на единоначаліи и нисходящей подчиненности основало всю природу (начиная отъ системъ солнечныхъ и до роевъ пчелиныхъ), подчинивъ въ свою очередь единоначаліе: въ механикѣ небесной законамъ своей верховной мудрости, въ обществахъ человѣческихъ законамъ разума и совѣсти, и въ средѣ животныхъ безсловесныхъ законамъ инстинкта. Но какъ въ человѣкѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями,

то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму ненарушимаго завѣта, подъ сѣнью котораго единоначаліе и становится идеаломъ общественнаго управленія. Диктаторство, въ критическихъ обстоятельствахъ республикъ, подтверждаетъ эту истину; да и самые президенты Американскихъ Штатовъ, напимѣръ, не суть-ли тѣже монархи? названіе не переиъняетъ существа вещи; вся разница только въ большей или меньшей продолжительности одной и той же верховной власти и въ способѣ ея осуществленія. Но, спрашивается: почему практика, продолжающаяся 2—3 года, лучше практики продолжающейся 20—30 лѣтъ? и почему случайно избранный, неподготовленный къ своему дѣлу, лучше наслѣдственнаго, сколько возможно подготовленнаго къ оному? Мы никогда лучше не дѣйствуемъ къ общему благу, какъ когда оно есть вмѣстѣ и наше собственное; поэтому, воля единовластнаго монарха, осѣненнаго скрижалемъ законовъ разума и совѣсти, не можетъ быть иная, какъ токмо клонящаяся къ пользѣ его подданныхъ. Зависть и корысть, эти основы страстей, не могутъ имѣть мѣста въ лицѣ, поставленномъ выше всѣхъ и вполне обеспеченномъ въ матеріальной жизни; между тѣмъ какъ онѣ невольно разгораются въ кругу цѣлаго сонма людей, поставленныхъ будто бы на стражѣ благосостоянія другихъ и которые, однакъ, сами безпрерывно стремятся, наперерывъ другъ передъ другомъ, стать выше всѣхъ и быть наиболѣе обеспеченными въ житейскихъ потребностяхъ. Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и то же время самъ проповѣдать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать общественное мнѣніе, т.-е. свободу всякому выразить свое воззрѣніе на вещи,— не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданическихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати. Таково убѣжденіе, укрѣпившееся во мнѣ особенно послѣ воцаренія нынѣшняго нашего, возлюбленнѣйшаго монарха; и по всему видимому, это убѣжденіе сдѣлалось теперь, къ счастью, убѣжденіемъ и большинства моихъ соотечественниковъ.

Но по истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго изступленія имѣютъ еще и по нынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ малыхъ, изъ которыхъ первые состоятъ! Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя?... Политическія истины, коль скоро онѣ таковыми признаны, необходимо должны быть повсюду и во всѣхъ приложеніяхъ истинами, подобно какъ и физическія. Признавать, что монархи, а не національные конвенты нуж-

ны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, — видѣть, что единоначаліе есть то, что утверждаетъ домашнее счастье семействъ, или малыхъ обществъ, и въ то же время воображать, якобы общества селеній, образующихъ средній разрядъ между обѣими, — составляя царства и заключая въ себѣ частныя семейства, — якобы сіи общества могутъ быть на республиканскихъ началахъ, это совершенно тоже, какъ притягательную, напримѣръ, силу признавать въ солнцѣ и въ мелкихъ частяхъ, изъ которыхъ состоятъ обращающіяся кругомъ него планеты, и отвергать ее въ цѣломъ составѣ каждой планеты!... Въ государствѣ монархическомъ, всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и—слѣдовательно: помѣщики, для благосостоянія селеній земледѣльческихъ, столько же нужны, сколько монархи для поданныхъ въ общец, и также точно дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властію верховною.

Если доказано, что ни въ какомъ случаѣ наемникъ не можетъ быть пастыремъ и приставъ радѣть съ усердіемъ хозяина о добрѣ, въ которомъ онъ лично не участвуетъ, то слѣдуетъ само собою, что казенныя селенія земледѣльцевъ не могутъ, подъ вліяніемъ временныхъ, никакими узами съ ними несоединенныхъ начальниковъ, столько содѣйствовать къ благосостоянію государства монархическаго, сколько управляемые помѣщиками. Управление первыхъ, какъ оно ни усовершенено со времени учрежденія губерній, таково-ли, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ счастью, выгодамъ имперіи, и меньше затрудняетъ правительство? Поощряетъ-ли оно ихъ къ трудолюбію, способствуетъ-ли дѣятельно къ хозяйственнымъ ихъ оборотамъ, украшаетъ-ли села полезными для человѣчества заведеніями, защищаетъ-ли отъ притѣсненія сосѣдей? Не видимъ-ли мы примѣровъ, что сколь ни малъ оброкъ казенныхъ поселянъ въ сравненіи съ получаемымъ помѣщиками, оный, при всей строгости земской полиціи, ежедневно представляетъ большія недомжки? Ибо всякое хозяйство, безъ главнаго надзора и раздѣленія работъ, безъ знанія, которое бы имъ распоряжало, упадаетъ. Природная человѣку лѣньность, во всѣхъ состояніяхъ, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ тѣмъ пользамъ, которыя сколько-нибудь отдалены. И сія лѣньность одолеваетъ особливо человѣка непросвѣщеннаго, ибо потребности его ограниченнѣе, грубыя же его страсти скорѣе способны возбудить вредную дѣятельность, чѣмъ полезный трудъ. Простолудинъ, не бывъ управляемъ, едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ приобрѣсть самое необходимое для своего существованія и для удовлетворенія (и то не безгрѣшнаго)

государственнымъ повинностямъ. Справедливость этого доказывается между прочимъ тѣмъ, что у насъ въ Россіи ярманки снабжаются произведеніями преимущественно отъ помѣщичьихъ людей; казенные поселяне бывають промышленными развѣ только при берегахъ судоходныхъ рѣкъ и на большихъ дорогахъ; и промышленность эта отнюдь не есть трудолюбіе, а скорѣе жадность къ користи, неприносящая государству истиннаго добра: предметами оной не добываніе изъ матери земли, а перекупка хлѣба, заведеніе харчевень, и т. п. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ упомянутые поселяне наибольшую частію предаются скитающейся жизни, вздорнымъ тяжбамъ, или пьянству. Я смѣло ссылаюсь на самого васъ, м. г., и на губернаторовъ всѣхъ прочихъ губерній.

Скажутъ мнѣ: стѣить только просвѣтить земледѣльца, — и онъ будетъ умѣть самъ хорошо вести хозяйство безъ помощи чужой опеки. Просвѣтитъ! легко сказать, но не легко сдѣлать. Какія средства и какое время на сіе потребны? А пока, чтѣ дѣлать?...

Обращаюсь къ упомянутой задачѣ вольнаго экономическаго общества: „полезнѣ-ли, чтобъ крестьянинъ имѣлъ свою собственную землю“, и пр. Предположимъ, что сіе полезнѣе. Что же послѣдуетъ изъ такого разрѣшенія вопроса? Надлежитъ дать всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ особую, отдѣльную отъ помѣщичьей землю. Какъ же это сдѣлать? Неужели сіе благодѣяніе земледѣльцамъ, быть можетъ еще только мнимое, а не истинное, начать истинною несправедливостію: отнятіемъ земель у помѣщиковъ? Благоразумное правительство коснется-ли священнаго права собственности, позволить-ли себѣ такое явное отступленіе отъ началъ, на которыхъ въ обществахъ человѣческихъ все основано? А купить эти земли, — откуда возьметъ оно на это денегъ? Надѣлать ассигнацій? Но чѣмъ ихъ гарантировать? Трудомъ тѣхъ же поселянъ? Но въ какое тяжелое положеніе будутъ они этимъ поставлены!... Или, оставивъ помѣщикамъ дошедшее отъ предковъ ихъ достояніе, правительство позволить ихъ поселянамъ удалиться въ степи, которыя имъ предложить? Но возможно-ли это? И что же будутъ дѣлать помѣщики со своими землями, обращенными въ пустыни?... Вотъ въ какой безвыходный лабиринтъ ведетъ сія задача, съ перваго взгляду мудрая и человѣколюбивая!..

Вопросъ: полезно-ли имѣть земледѣльцу свою собственную землю, — весьма подобенъ слѣдующему: „полезно-ли для государства, если каждый работникъ на фабрикѣ будетъ имѣть свой собственный станъ?“ Онъ можетъ быть разрѣшенъ двумя совершенно различными и другъ другу противурѣчащими положеніями, и обое будутъ имѣть свои до-

казательства: ибо, если собственность привязываетъ насъ къ дѣлу и возбуждаетъ трудолюбіе, то, съ другой стороны, просвѣщенный надзоръ за работою и то расположеніе оной, которое требуетъ особеннаго воспитанія, или досуга, усвершаютъ издѣлія и обращаютъ ихъ въ большую пользу государству. Но еслибы, вмѣсто сего вопроса, немѣющаго опредѣленной цѣли, предложить другой, напримѣръ: „полезно-ли предоставить фабрикантамъ безпредѣльную власть надъ ихъ мастерскими, не заботясь о ея употребленіи, или лучше сдѣлать злоупотребленія оной невозможными? Полезно-ли болѣе пещись о наставленіи и направленіи къ добру небольшого числа хозяевъ, нежели о неудобномъ и тяжкомъ, человѣческую бдительность превышающемъ, наставленіи многочисленныхъ работниковъ? Полезно-ли соединить хозяевъ и работниковъ, кромѣ взаимной ихъ, корыстной связи, такими отношеніями, которыя бы служили къ общественному добру?..“ То разрѣшеніе сихъ вопросовъ не будетъ подлежать никакой трудности. Я смѣю даже думать, что оно, у всѣхъ здравыхъ умовъ, какъ бы начала ихъ ни разствовали, выдетъ одинакое.

Много, особливо же съ половины минувшаго столѣтія, писано о злоупотребленіи власти. Но представлены-ли пользы, происходящія отъ нея на землѣ? Мнѣ мнится видѣть физиковъ, которые бы исщали всѣ тонкости ума и знанія своего на увѣреніе во вредѣ, происходящемъ отъ огня. Если огонь сожигаетъ и разрушаетъ, то онъ же освѣщаетъ, грѣетъ и къ питанію способствуетъ. Все зависитъ единственно отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Власть осуществляющая приговоры разума и человѣколюбія, есть, конечно, одно изъ первыхъ благодѣяній для смертныхъ. И неужели нѣтъ средствъ, особливо въ маломъ, подчиненномъ кругу, сдѣлать ее безвредною? Корыстолюбіе, большею частію, творитъ злодѣевъ, не столько природныя влеченія ко злу. Поставьте ему предѣлы — и злоупотребленія власти станутъ большею частію несбыточными.

Этимъ и кончу слишкомъ, и безъ того, длинныя мои разсужденія въ которыя я счелъ необходимымъ войти прежде изложенія самаго дѣла, ибо на нихъ оно основано. Но время вамъ дорого, и потому не распространяясь болѣе, сошлюсь только, въ заключеніе, на прекрасное сочиненіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ, писанное въ 1785 году: „О неудобствахъ въ Россіи дать (въ настоящее время) свободу крестьянамъ, или сдѣлать ихъ собственниками имѣній“. Я имѣю его въ рукописи и жалѣю, что сіе, прямо патриотическое, произведеніе опытнаго и глубокомысленнаго старца, такъ мало извѣстно

Донесу вашему превосходительству, что въ сельскихъ учрежденіяхъ, которыя привлекли на себя вниманіе ваше, я ничего не изо

брѣталъ собственнаго, но только старался воспользоваться тѣми узаконеніями, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государственныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ.

Помѣщикъ разумѣю я наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило, чрезъ то, попеченіе о людяхъ (поселянахъ) на оной жить имѣющихъ и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о немущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генераль-губернаторъ въ маломъ видѣ.

Сія должность почтенна, не взирая на число ввѣренныхъ людей. Дабы исполненіе ея, по слабости человѣческой, не разстроивалось иногда пристрастіемъ къ собственной пользѣ, счелъ я за необходимое отдѣлить ее совершенно отъ того отношенія, въ какомъ ставить меня собственность, то-есть: земли, лѣса, мельницы и проч., ибо собственностію моею людей, какъ то ниже вы изволите увидѣть, я отнюдь не почитаю. Они, въ глазахъ моихъ, на ряду со мною суть подданные только государства. Вы конечно изволили уже примѣтить, что я, въ этомъ смыслѣ, избѣгаю самаго имени „крестьянинъ“, котораго мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть наслѣдіе отъ татаръ, нѣкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: „христианинъ“, или „крестьянинъ“ и рабъ значило у нихъ, уи! одно и тоже. Намъ-ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ?..

Отдѣляя владѣніе собственностію отъ власти начальника (т.-е. правъ хозяина) я не только не ослабляю сей послѣдней, но еще усиливаю ея довѣренностію, которая, въ этомъ порядкѣ вещей, должна неминуемо развиваться въ сердцахъ моихъ поселянъ, между тѣмъ какъ при обыкновенномъ смѣшеніи обоихъ сихъ отношеній помѣщикъ къ его людямъ, ей никогда не можетъ быть мѣста.

Для таковаго отдѣленія, дабы оно не было мечтательное, нужно было съ точностію опредѣлить повинности, которыя мнѣ, хозяину, приходится съ поселянъ законно, за владѣніе ими моею собственностію, и единственно на семъ владѣніи основать ихъ.

Владѣніе, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, возраста, пола,— не можетъ быть равное: слѣдовательно и повинности не могутъ быть иныя, какъ только соотвѣтствующія симъ обстоятельствамъ. Первое правило!

Послѣ сего нужно было изобрѣсти непреложное мѣрило (маштабъ) какъ для оцѣнки моей собственности, поступающей во владѣніе поселянамъ, такъ и для оцѣнки повинности, которую они мнѣ за то платятъ. Определенное число денегъ не могло, ни въ какомъ случаѣ, для меня служить симъ мѣриломъ, ибо цѣна (valeur) денегъ измѣняется отъ прибыли и убыли ихъ въ губерніи и отъ другихъ обстоятельствъ. Определенная мѣра хлѣба была бы вѣрнѣе; но опытъ доказываетъ, что отношеніе цѣнъ хлѣба къ цѣнамъ работъ, отъ вліянія постороннихъ для земледѣлія причинъ, также подвержено непостоянству. Итакъ, оставалось взять за непреложное, т.-е. во всѣхъ случаяхъ и во всѣ послѣдующія времена для обѣихъ сторонъ безобидное мѣрило, именно: одинъ день земледѣльческой работы. Дѣлая по сложности среднюю оцѣнку сего дня, чрезъ каждые пять лѣтъ, и опредѣляя все прочее посредствомъ этой оцѣнки, могу я быть увѣренъ, что ни я, ни поселяне мои не будемъ въ значительномъ проигрышѣ другъ противъ друга. Ваше превосходительство изволите усмотрѣть это немедленно на самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1805 года сдѣлана была въ селѣ моемъ Кручики оцѣнка рабочаго дня, при которой приглашены были, кромѣ моихъ поселянъ, и посторонніе. По сложности, составленной изъ показанія каждаго, кто что вспомнить могъ за весь годъ, оказалась средняя цѣна онаго тридцать копѣекъ (на собственныхъ харчахъ работника). Цѣна же одной десятины хорошей пахатной земли, продаваемой безъ нужды продавца и въ раздробъ, оказалась въ околоткѣ нашемъ сорокъ пять рублей, или, что то же, цѣна ста пятидесяти дней работы. (По нѣкоторымъ соображеніямъ я заключаю, что во всякое время, въ средней полосѣ Россіи, посредственно населенной, цѣна десятины пахатной земли должна равняться средней цѣнѣ 150-ти дней земледѣльческой работы. Говорю въ средней, ибо въ другихъ мѣстахъ цѣны земли и работы будутъ въ другой соразмѣрности, судя по населенію. Но, чтобы связать мною, не выступая изъ предмета, я думаю, что сложное содержаніе между собою сихъ двухъ цѣнъ могло-бъ для государственной экономіи послужить основаніемъ величайшей важности). Цѣна десятины сѣнокосу оказалась сорокъ рублей, или цѣна $133\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна дерева, употребленнаго на избу поселянина, на дворъ его и все селидибище, поставлена средняя круглымъ числомъ сто рублей, или $333\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна кубической сажени дровъ, на мѣстѣ и съ рубкою того, кто оныя покупаетъ, три рубля, или 10 дней работы. Цѣна ежегодныхъ потребностей разнаго рода въ лѣсѣ на земледѣльческія орудія, на починку огорожи и проч. поставлена въ три же рубля, или 10 дней работы.

Ваше превосходительство, какъ начальникъ попечительный, входящій во всѣ подробности ввѣренной вамъ губерніи, лучше многихъ другихъ изволите знать, что цѣны сіи суть самыя среднія въ окрестностяхъ Богодухова, гдѣ находится мое имѣніе: онѣ скорѣе могли бы назваться низкими, нежели высокими.

Каждому поселянину, вошедшему въ совершеннолѣтіе, дается, если онъ не имѣлъ прежде, по наслѣдству отъ отца, семь съ половиною десятинъ пахатной земли, полдесятины подъ усадьбу его и одна десятая сѣноосу; и это въ одной-ли окружной межѣ, или въ разныхъ мѣстахъ, по раздѣленію полей,—то и другое какъ онъ самъ заблагоразсудитъ получить. Отводъ въ одной межѣ называется, соответственно здѣшнему народному наименованію, хуторъ такого-то (по имени поселянина); а каждая 2¹/₂ десятины (или 6000 квадр. сажень) земли въ полѣ, равно какъ и десятина сѣноосу въ своемъ мѣстѣ, называется: въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ полѣ участки такого-то. Сіе отведенное ему владѣніе ограничивается ямами, изъ которыхъ въ каждой обязанъ онъ послѣ, въ приличное время, посадить по одному дикорастущему плодовитому дереву. Оное огородится и составить сколько примѣтный, столько же и красивый межевой знакъ. Между тѣмъ, владѣльцу хутора или участка дается родъ укрѣпленія на сію собственность: именно цыдулка изъ толстой, клееной бумаги, которая имѣетъ фигуру отведеннаго участка, съ показаніемъ его смежностей и странъ свѣта, и съ надписью: „такого-то — т.-е. 1, 2, или 3 поля—такой-то участокъ поселянина такого-то“. На оборотѣ же: „данъ ему, такому-то, безповоротно и наслѣдственно на извѣстныхъ условіяхъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мое подписаніе. Такимъ образомъ, сей видъ служитъ каждому владѣльцу не только обезпеченіемъ, что оный ему принадлежать будетъ на всегдашнія времена,—если только онъ будетъ съ своей стороны выполнять условія, т. е. сопряженную съ владѣніемъ повинность помѣщику; но служитъ еще и планомъ, разрѣшающимъ споры, какіе могли бы произойти отъ сосѣдей запапкою, или другимъ образомъ.

Если новый поселянинъ не имѣетъ дому и двора по наслѣдству отъ отца или другихъ ближнихъ, то ему отводится мѣсто и дается весь нужный для постройки лѣсъ. Если же потребно будетъ, то выдаются и деньги въ заемъ изъ сельской общественной суммы, о которой я ниже буду имѣть честь донести. Сему поселянину, на ряду съ другими, будетъ отпускаться изъ лѣсовъ моихъ ежегодно: во-1-хъ четыре кубическія сажени дровъ: число по смѣтѣ нѣсколькихъ лѣтъ найденное для отопки одной семьи достаточнымъ; а во-2-хъ весь

нужный ему ремонтъ для земледѣльческихъ орудій и огорожи. Вотъ чего онъ своему помѣщику стбитъ.

Теперь увидимъ, что по вышепоказанной оцѣнѣ слѣдуетъ помѣщику съ него получать?

1) За владѣнїе 7 ¹ / ₂ десятинами пахатной, полдесятиной усадебной и одною десятиною сѣнокосной земли, составляющими вообще по цѣнѣ на (8.45 + 40) 400, рублей, принимая сію сумму капиталомъ постоянно находящимся въ его рукахъ, по справедливости слѣдуетъ хозяину капитала получать законные шесть процентовъ, что составитъ въ годъ,	24 руб., или цѣна 80 дней работы.
2) За домъ и дворъ, который онъ построилъ и всегда возобновлять можетъ на счетъ помѣщика, полагая оный, какъ выше сказано, въ 100 руб., слѣдуетъ	6 > > > 20 > >
3) За четыре куб. сажени дровъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ, каждая по 3 р.	12 > > > 40 > >
4) За ремонтъ земледѣльческихъ орудій и проч.	3 > > > 10 > >
<hr/>	
Итого за все	45 руб., или цѣна 150 дней работы.

И больше уже никакихъ повинностей поселянинъ не знаетъ въ отношеніи помѣщика, и сверхъ того облегченъ въ отношеніи казенныхъ податей, какъ сказано будетъ ниже.

Ваше превосходительство конечно не упустите замѣтить, какимъ удивительнымъ образомъ второй итогъ согласуется съ извѣстнымъ челоуѣколюбивымъ указомъ блаженной памяти государя императора, въ которомъ повелѣно раздѣлять дни недѣли по равной части на барщину и собственное дѣло крестьянъ: изъ 300 рабочихъ дней въ году (круглымъ числомъ) половина и здѣсь принадлежитъ поселянину, но съ тою только разностию, что и остальныхъ 150-ти не требуется отъ него въ натурѣ, т.-е. непременно работою.

Итакъ, первый изъ вышеозначенныхъ итоговъ, 45 рублей, представляя только оцѣнку 1805-го года, можетъ измѣняться каждые пять лѣтъ при новой оцѣнкѣ; но второй, или цѣна 150-ти дней работы, пребудетъ навсегда постоянною мѣрою повинностей таковаго поселянина, который владѣетъ 8-ю десятинами пахатной земли и одною десятиною сѣнокоса. И симъ количествомъ онъ уже непременно владѣть долженъ. Почему непременно? спросите вы. Поелику государственныи порядокъ требуетъ, чтобъ поселянинъ мой былъ земле-

дѣлецъ, а не праздный человѣкъ: $7\frac{1}{2}$ десятинъ есть такая норма обработки, которая опытомъ дознана по силамъ одному рабочему семьянину, нелѣнящемуся, при нашемъ благословенномъ грунтѣ. „Но онъ можетъ быть нанялъ бы въ другомъ мѣстѣ землю дешевле?“ Не спору: въ сосѣдствѣ моемъ есть казенныя селенія, которыхъ жители, разорясь отъ праздности или безразсчетныхъ промысловъ, могутъ пай свои отдавать дешевле. Но я землю мою почитаю государственнымъ капиталомъ мнѣ или моему предку пожалованнымъ на тотъ конецъ, чтобы онъ приносилъ свои законные проценты. И если бы въ самомъ дѣлѣ я получалъ нѣкоторое излишество противу повольной цѣны, всегда сомнительной и всегда колеблемой обстоятельствами, то сей избытокъ былъ бы не что иное, какъ справедливо слѣдующее мнѣ жалованье: сельское общество, которому я служу, обязано мнѣ платить оное какъ лицу, представляющему для него высшее правительство; а между тѣмъ и поселяне мои, — смѣло могу сказать это, — не промѣняютъ своего положенія на положеніе поселивъ сосѣднихъ казенныхъ селеній.

Отъ дачи участка чрезъ десять лѣтъ, то-есть выждавъ время, нужно чтобы поселянинъ ощутилъ всю цѣну владѣнія своего, дается ему разрѣшеніе закладывать, или продавать оный, лишь бы закладъ, или продажа не измѣняли слѣдующихъ мнѣ повинностей, и притомъ займодавецъ, или покупательъ былъ житель если не самого села Кручича, то по крайней мѣрѣ не дальняго отъ него мѣста.

Всякій поселянинъ можетъ требовать, при возрастаніи своего хозяйства, новаго участка земли, на тѣхъ же условіяхъ. Дробленіе участковъ на меньшія мѣры, чѣмъ $2\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ изъ 3-хъ моихъ полей, счелъ я сколько для меня затруднительнымъ, столько же и для самихъ поселянъ невыгоднымъ. Сказанная мѣра составляетъ большею частію правильные параллелограммы по 120 саж. въ длину и по 50 саж. въ ширину. Основаніемъ дѣленія полей на три части послужили у меня дороги, изъ которыхъ одна ведетъ въ губернской городъ, а другія проселочныя; такимъ образомъ я въ состояніи легко обозрѣвать попечительность каждаго земледѣльца на его собственномъ участкѣ и могу, не имѣя въ этихъ участкахъ ничего своего, — взыскивать, наставлять или ободрять не опасаясь, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ во мнѣ человѣка радѣющаго о своемъ добрѣ.

Вышесказанная сумма годовой повинности (45 р.), остающаяся безъ переменъ съ 1805 года, вносится поселянами по четвертямъ года впередъ, т.-е. по 11 р. 25 к. каждый разъ. Впрочемъ, какъ оно ни маловажно судя по заработкамъ, не рѣдко составляющимъ по 15 р.

въ мѣсяцъ и болѣе, не всѣ еще мои поселяне расположили себя къ платежу ея: есть нѣкоторые, придерживающіеся еще прежняго моего порядка и называются половинщиками. Повинность ихъ раздѣляется на двѣ части: лѣтнюю и зимнюю. За лѣтнюю, или за пользование полемъ и сѣнокосомъ, слѣдовало бы имъ вносить цѣну 80-ти дней работы; но вмѣсто того они отдають мнѣ половину чистаго дохода съ своихъ участковъ самими произведеніями, располагая какъ полные хозяева своимъ временемъ и получая отъ меня половинное количество сѣмянъ для посѣва. Счетъ основывается на числѣ копенъ при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, дабы избѣжать мелочныхъ расчетовъ; привозка мнѣ зерна дѣлится на три срока: въ ноябрѣ, въ январѣ и въ мартѣ. Что принадлежитъ до зимней повинности: за избу, дрова, и пр., составляющей цѣну 70-ти дней работы, то тѣ, которые не уплатятъ оной (и рѣдкіе не уплачиваютъ) отработываютъ по вольному съ ними договору за каждую особенную работу. Напримѣръ: вызываются охотники перевезть столько-то сажени дровъ изъ такого-то мѣста, или нарубить ихъ; являются желающіе, которыми иногда бываютъ должники, иногда же и уплатившіе свою повинность; могутъ случиться и совсѣмъ посторонніе поселяне; пойдетъ торгъ, цѣна состоится такая-то отъ сажени; и по окончаніи работы она, въ первомъ случаѣ, т.-е. когда работавшій былъ должникъ, ставится ему въ счетъ суммы, которую онъ долженъ въ мое хозяйство; во второмъ же платятся наличныя деньги. Расчетъ бываетъ каждый мѣсяцъ по тетрадекамъ, которыя розданы всѣмъ поселянамъ, подобно какъ изъ иныхъ домовъ, въ большихъ городахъ, раздаются оныя мастеровымъ разнаго рода и поставщикамъ припасовъ. Такимъ образомъ, ни поселянинъ не отягощенъ, ни я работою не обманутъ, что по лѣности здѣшняго народа чаще перваго могло бы случиться, еслибы считать оную барщиною. Половинщиковъ остается уже въ селѣ моемъ немного, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ перейдутъ на чистый оброкъ на вышеизложенныхъ началахъ, хотя я ихъ къ тому не принуждаю.

Не обязываю я также отнюдь всѣхъ моихъ поселянъ быть непременно земледѣльцами, хотя и убѣжденъ, что хлѣбопашество, въ нашихъ мѣстахъ, есть наиболѣе полезнѣйшее для государства занятіе; но терплю и мастеровыхъ. Терплю только, сберегая все возможное мнѣ ободреніе берущимъ участки. Вотъ мѣры, объясняющія уравненіе тѣхъ и другихъ между собою.

Родители вольны отдавать дѣтей своихъ въ наученіе мастерствамъ; но они въ семъ случаѣ не получаютъ никакого особливаго пособія. По изученіи и достигши совершенныхъ лѣтъ, ремесленникъ получа-

еть, также какъ и земледѣлецъ, ивбу; дворъ и прочее, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; и хотя участка ему уже не дается, но тѣмъ не менѣе онъ обязанъ вносить помѣщику, деньгами или работою свою, цѣну полныхъ 150-ти дней земледѣльческой работы въ годъ. Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80-ти дней, есть какъ бы пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества. Впрочемъ, такъ какъ пеня эта не велика, то хорошій мастеровой легко ее уплачиваетъ; для плохого же, неусиѣвшаго выработать столько, она служить указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское; — и земля отводится ему коль скоро онъ того потребуеть. Сими способомъ желалъ я уменьшить число посредственныхъ ремесленниковъ, лишь отягощающихъ собою общество, не заграждая впрочемъ пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу.

Мастеровыхъ ищу я удержать въ селѣ, гдѣ они менѣе могутъ развращаться нежели въ городахъ. Но и въ семъ случаѣ не употребляю принужденія. Живши въ селѣ, они имѣютъ потребности къ жизни за плату подлинно низкую, ибо помѣщеніе, съ отопленіемъ, стоитъ ему въ годъ всего 70-ть дней земледѣльческой работы, что составляетъ всего 21 р., за которые онъ никакъ не можетъ имѣть того же въ городѣ, а пища также несравненно дешевле чѣмъ тамъ; это уже само собою заставляетъ его предпочитать жизнь сельскую городской. Но тѣмъ не менѣе онъ обязывается платить мнѣ урочную повинность за свое жилище, если пожелаетъ жить въ городѣ, и паспортъ выдается ему не иначе, какъ на этомъ условіи. Для мастерового хорошаго и трезваго это не составляетъ препятствія, но посредственный и поведенія мало-надежнаго долженъ по необходимости предпочесть жизнь въ селѣ своему, гдѣ онъ отъ сосѣдей провинціаловъ довольно будетъ имѣть работы.

Наконецъ, что принадлежитъ до моихъ дворовыхъ людей, то они, до времени остаются еще на обыкновенномъ основаніи. Но послѣ они должны состоять или изъ вольнонаемныхъ слугъ, или же изъ дѣтей такихъ родителей, которые, за большимъ ихъ числомъ, не въ состояніи бы прокормить и воспитать всѣхъ, отдадутъ ихъ въ услуженіе, сдѣлавъ со мною добровольное условіе; чему и есть уже пригѣры. Слово послѣ, употреблено мною въ томъ предположеніи, что при незапрещеніи моемъ дворовымъ людямъ переходить въ земледѣльцы и даже поощреніе ихъ къ тому, они, безъ сомнѣнія, въ своемъ времени сдѣлаются всѣ таковыми.

Имѣя въ настоящее время еще нѣкоторое количество нерозданной пахатной и сѣнокосной земли, я обрабатываю ея собственнымъ

скотомъ и наемными людьми, въ ожиданіи пока умножающіеся мои поселяне потребуютъ отъ меня участвова. Сверхъ того есть у меня мельницы, которыя я также предпочтительно отдаю въ содержаніе своимъ поселицамъ, по вольнымъ съ ними договорамъ; есть и извѣстныя вашему превосходительству небольшія фабрики; но еслибъ этого всего и не было, то чистый, изъ недвижности собственно получаемый мною доходъ на вышеобъясненныхъ началахъ таковъ, что не заставляетъ меня раскаяваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды порабощенія барщинскаго и угнетеніе поселянъ множествомъ мелкихъ поборовъ, на сіе, сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служить только одно чистое право собственности. И еслибъ не долги, которыя не ради моихъ прихотей надѣланы мною, то при всей неважности моего имѣнія, я считалъ бы себя, со всѣмъ моимъ семействомъ, сколько бы оно ни умножалось, совершенно обеспеченнымъ и счастливымъ, глядя на возрастающее благосостояніе моихъ поселянъ. Но меня тревожитъ мысль: что станетъ съ ними въ случаѣ моей смерти, которая, быть можетъ, не далека уже, судя по непрочности моего здоровья?... Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ сдѣланный мною опытъ улучшенія ихъ быта не прошелъ безслѣдно послѣ меня! И вотъ я, ободренный благосклоннымъ вопросомъ вашего превосходительства о моихъ сельскихъ учрежденіяхъ, объяснивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ исполняются у меня на дѣлѣ, рѣшаюсь всепокорнѣйше просить васъ тутъ же, начальнигъ благодѣтельный и человѣколюбивый, въ случаѣ безвременной моей смерти, испросить у верховнаго правительства то слово, которое бы дало имъ твердое бытіе, если только вы изволите найти ихъ правильными и дѣйствительно общающими народное добро. Если же Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и благословить умноженіе моихъ поселянъ до того, что у меня не достанетъ земли для раздачи имъ, то я все-таки долженъ буду обратиться, черезъ ваше же, можетъ быть, посредство, къ державной власти для всемилостивѣйшаго разрѣшенія на отводъ имъ гдѣ-нибудь, въ необъятномъ пространствѣ Россіи, пустопорожныхъ земель, въ полной увѣренности, что сіи истинные вѣрнопоходанные государства принесутъ ему болѣе пользы чѣмъ иноземные колонисты, стоящіе казнѣ столькихъ заботъ и издержекъ и отбывающіе столь сомнительную службу русскому народу.

Но я до сихъ поръ объяснилъ вашему превосходительству только матеріальный бытъ моихъ поселянъ. Остается сказать нѣсколько словъ о ихъ гражданскомъ устройствѣ.

Устранивъ отъ себя, вышепредставленнымъ способомъ, всѣ под-

робности попеченія о личной пользѣ, которыя бы развлекали меня при обыкновенномъ порядкѣ вещей, превращали бы изъ господина въ надзирателя только работъ, я могъ быть и самъ нравственно свободенъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, кромѣ должностей въ отношеніи моего собственнаго семейства и той обязанности въ отношеніи моихъ поселянъ, которую возлагали на меня, казалось, религія и правительство. (Я не говорю о наукахъ, занимающихъ свободные мои часы: и ихъ, къ счастью, легко соединить съ обѣими упомянутыми обязанностями).

Поселяне мои должны были имѣть полицію и судилище. Число сихъ подданныхъ государства не велико: одного мѣста могло быть довольно для представленія обонхъ мѣстъ. Еще въ 1793 году была учреждена мною на образецъ думъ, существующихъ въ городахъ, сельская дума. Она состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими поселянами, и меня какъ ихъ предсѣдателя. Имѣла, съ тѣхъ поръ, писаря, записку засѣданій, сумму для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила. Но частныя мои отлучки изъ дому, и служба въ С.-Петербургѣ, не позволили мнѣ заняться симъ учрежденіемъ такъ, какъ я желалъ. И можетъ быть это сдѣлалось къ лучшему: ибо множество идей моихъ созрѣли съ тѣхъ поръ. Послѣ отставки въ 1804 году я обратился къ моему любимому мечтанію, и уже какъ мужъ, не какъ юноша.

Теперешнее образованіе Кручанской сельской думы есть слѣдующее:

1) Она имѣетъ мѣсто своихъ засѣданій въ особомъ порядочномъ и внутри приспособленномъ къ своей цѣли строеніи въ серединѣ села (бывшее жильё моего покойнаго отца).

2) Время урочныхъ засѣданій: одинъ день въ недѣлю, а именно четвертокъ. Впрочемъ, бывають собранія и сверхъ положенныхъ, если особыя нужды того требуютъ.

3) Имѣетъ членами: меня, въ лицѣ предсѣдателя; старшаго выборнаго, который есть вмѣстѣ и церковный староста; младшаго выборнаго, который, завѣдывая сельскою полицією, называется благочипнымъ. Къ числу членовъ можно причестъ и священника, который нерѣдко засѣдаетъ съ нами вмѣстѣ, и надзирателя должностей. Это одинъ старый офицеръ, который послѣ 35-лѣтней службы живетъ у меня на покоѣ. Онъ есть у насъ родъ прокурора и въ отсутствіи моемъ заступаеть мое мѣсто, также при производствѣ такихъ дѣлъ, которыя лично до меня касаются, или до моей собственности, и гдѣ я по общему началу, что „истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ

лицъ“, не присутствую.—Письмоводец думы есть особо определенный на то писарь изъ воспитанниковъ приходскаго моего училища.

4) Сія люди получаютъ жалованье, а именно:

Старшій выборный цѣну ста сорока дней работы въ годъ (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 42 рубля).

Младшій выборный, цѣну двухъ сотъ дней работы (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 60 рублей): (болѣе старшаго, поелику другая должность его, благочиннаго, больше отвлекаетъ его отъ дому, слѣдовательно общество обязано вознаграждать его упущенія по собственному хозяйству).

Надзиратель, — цѣну 400 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 120 рублей).

Писарь,—цѣну 80 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 24 руб.). Въ дополненіе къ этому жалованью ему позволено: 1) брать за внесеніе условій между поселянами въ назначенную для того книгу, $\frac{1}{100}$ долю ихъ цѣны, и 2) получать небольшіе, определенные подарки отъ примиряющихся въ ихъ ссорахъ, если онъ успѣетъ согласить ихъ не доводя до суда.

5) Деньги на сіе жалованье берутся изъ общественной суммы села, которую, для болѣщаго ея уваженія, называю я по имени прихода: крестовоздвиженскою, и положилъ хранить въ церквѣ. О составленіи оной донесу ниже.

6) Дума для всѣхъ своихъ дѣлопроизводствъ имѣетъ пять книгъ: первая, есть обыкновенная записка, или протоколъ засѣданій. Въ одномъ столбцѣ сей записки показано, о чемъ разсуждаемо было; въ другомъ, что положили; въ боковыхъ двухъ графахъ отмѣчается день разсужденія и день исполненія приговоровъ. Сія записка пишется писаремъ и подписывается мною и членами, а въ отсутствіи моемъ, надзирателемъ и членами (по неграмотности выборныхъ, — такъ какъ они гораздо старѣе моего училища, они имѣютъ свои печати).

вторая книга—есть приходо-расходная общественной суммы. Ведется она также писаремъ, но суммы вынимаются и выдаются въ присутствіи священника и по крайней мѣрѣ одного выборнаго. Къ ней принадлежить: книга долговая, для записки раздаваемыхъ въ заемъ денегъ поселянамъ, по приговорамъ думы.

четвертая,—книга условій, родъ крѣпостной и мажлерской вкѣстѣ. Въ оную писарь вноситъ всѣ условія, дѣлаемые жителями села (кто бы они ни были, неисключая и помѣщика); также данныя на дворовыя, огородныя мѣста и пр. Она начата запискою тѣхъ условій, на которыхъ я отдалъ участки полей поселянамъ, и я предоставляю

себѣ, рано или поздно, утвердить актъ сей по начальству, дабы онъ имѣлъ всю силу закона для моихъ наслѣдниковъ. Что принадлежитъ до полной значительности онаго при моей жизни, то, благодарю Бога! поселенцамъ моимъ и на мысль не приходитъ въ томъ сомнѣваться.

Наконецъ, пятая книга—алфавитный реестръ всѣхъ въ прошедшее пятилѣтіе случившихся дѣлъ, который служитъ для разныхъ выправокъ. Роды дѣлъ, которыя кто имѣлъ, роды винъ, за которыя съ кого послѣдовало взысканіе, дѣлаютъ еще сію книгу истинною характеристикою поселенъ, необходимою для полиціи.

7) Порядокъ засѣданій думы не имѣетъ ничего особаго. Я старался его учредить бравши въ примѣръ существующій въ присутственныхъ мѣстахъ. Держась спасительныхъ началъ монархическаго правленія, я долженъ былъ предоставить себѣ ту власть, которая 103-ею статьею учрежденія о губерніяхъ дана губернатору въ губернскомъ правленіи, и еслибы отъ меня сіе зависѣло, то я выборнымъ охотно далъ бы право, по разуму той же статьи, доносить о неправильномъ какомъ или противузаконномъ моемъ поступкѣ высшему начальству, и именно: губернатору, или губернскому предводителю дворянства, но только не уѣзднымъ мѣстамъ, стать подъ которыми, по нынѣшнему ихъ составу, для всякаго помѣщика конечно будетъ прискорбно. Надзирателю должностей предоставилъ бы я также право представленій о томъ же губернскому начальству. Такимъ образомъ, мое учрежденіе никогда не обратилось бы въ игру власти. Но все это можетъ быть сдѣлано только тогда, когда учрежденіе это получить одобреніе высшей власти.

8) Законы, на которые мы ссылаемся въ рѣшеніяхъ и приговорахъ, суть не иные какъ общіе государственные; ибо нѣтъ никакой причины, препятствующей распространять ихъ на помѣщичьихъ поселенъ, хотя сего нигдѣ гласно и не сказано. По сему началу дѣла опека наслѣдства и личныя ссоры разбираются по извѣстнымъ узаконеніямъ. Дѣла прямо уголовныя, еслибы онѣ къ несчастію случились, одни изъ сего естественно исключаются, такъ какъ они принадлежатъ до мѣстъ на сіе верховнымъ правительствомъ учрежденныхъ.

Но на такія обстоятельства, въ коихъ общіе законы молчатъ, какъ, примѣръ, въ случаяхъ принадлежащихъ до полиціи, нравовъ и проч., сдѣланы особенныя постановленія думы, на которыя и бываетъ ссылка. Въ примѣръ того и другого я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству двѣ выписки изъ засѣданій думы. О нѣсколькихъ предметахъ, однакожь, я обязанностію считаю донести вамъ обстоятельнѣе, именно: о сельской полиціи, о распо-

рядѣ относительно до рекрутскаго набора, объ опеѣ и малолѣтныхъ, объ училищѣ и о собраніи общественной суммы, изъ чего послѣдняго само собою объяснится и то, что принадлежит до взноса казенныхъ податей.

1) Все, что принадлежит до земской и внутренней полиціи села, вѣрено благочинному. Получаемыя по сей части предписанія уѣздной полиціи ему немедленно препровождаются для исполненія. То изъ нихъ, что должно быть вѣдомо всѣмъ поселянамъ, онъ же оповѣщаетъ слѣдующимъ способомъ: село, вмѣсто кварталовъ городскихъ, раздѣляется на десятки дворовъ, т.-е. отчислено, по сосѣдственному между собою положенію, около десяти дворовъ, болѣе или менѣе, которые и составляютъ то, что называется 1-мъ 2-мъ и такъ далѣе десяткомъ. Хозяева домовъ обязаны, каждый по очереди, три дни сряду отвѣчать за порядокъ своего десятка. Они приходятъ каждый вечеръ въ думу извѣщать благочиннаго о томъ, что случилось у нихъ и принимать приказанія, если какія есть. Въ крайнихъ же случаяхъ и сами немедленно берутъ предписанныя мѣры на мѣстѣ, а между тѣмъ извѣщаютъ благочиннаго.

Обязанность думы не ограничивается механическими, такъ-сказать, распоряженіями, общими ей съ городскою полиціею. Нравственность поселянъ есть первый ея предметъ. По ограниченности того круга, который она обнимаетъ, и по власти, которую заимствуетъ отъ помѣщика, бдѣніе за симъ ей удобнѣе нежели начальствамъ городовъ. Изъ приложенныхъ выписокъ, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше, ваше превосходительство можете уже отчасти видѣть, какъ далеко у насъ простирается нравственное надзираніе. Донесу вамъ, что оно начинается уже въ училищѣ. Употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ поселянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и начальству (т.-е. порядку), а также къ чистотѣ нравовъ вошло въ привычку гораздо прежде, нежели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ. По малости времени рано еще видѣть воплѣ плоды сихъ распоряженій, но надѣюсь имѣть нѣкогда это счастье. Народъ нашъ чрезвычайно способенъ къ хорошимъ впечатлѣніямъ, но надобно чтобы они поддерживались примѣромъ и властію. Власть всегда готовая взыскивать, власть неліцепріятная, неумолимая, должна быть у него въ виду. По сей причинѣ не отринута у насъ тѣлесное наказаніе. Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей, по разуму, неразвитому въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть, кажется мнѣ, закономъ освобождены отъ такого наказанія. Но оно, конечно, должно имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ уже, и опредѣляться неначе какъ съ крайнею береж-

ливостію и съ постепенностію. Напѣ сельскій уставъ полагаетъ отъ 3-хъ и до 20-ти ударовъ обыкновенною лозой, но приговорахъ думы. Подъ категорію проступковъ, караемыхъ такимъ образомъ, поведены слѣдующіе: 1) всякаго рода непослушаніе начальству, происходящее собственно отъ упрямства, этого коренного зла въ человѣкѣ, обнаруживающагося пренебреженіемъ порядка установленнаго властію. (Тутъ разумѣется и обида кому-либо должность исправляющему, хотя бы онъ и не начальникъ былъ, оказанная въ видѣ мщенія за сіе исправленіе должности); 2) взятка, или кража, или другой подобный проступокъ при исполненіи порученія *); 3) драка при народѣ; 4) неуваженіе старшихъ, дошедшее до безчинія (разумѣется неуваженіе къ родителямъ, тестю, тещѣ, старшимъ братьямъ, и пр.), также лживый поступокъ, оказанный противъ старшихъ; 5) безчиніе, сдѣланное въ церквѣ и всякое другое неуваженіе святой нашей религіи, явно учиненное. Вообще имѣлись въ виду такіе проступки, которые показываютъ противудѣйствіе установленному порядку, или злоупотребленіе власти.

Неисправляющіеся послѣ всѣхъ опытовъ, какъ упорные, такъ и порочные поручаются помѣщику, чтобъ онъ удалилъ ихъ изъ села. Отдача въ солдаты есть та мѣра, которую я положилъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ, буде неисправимый подходитъ подъ условія рекрутскаго приѣма; въ противномъ же случаѣ счелъ позволеннымъ воспользоваться правомъ, который законъ даетъ, къ сожалѣнію, продавать людей; и это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено. Вырученныя за продажу деньги, или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу общества, которое должно быть вознаграждено за лишеніе своего члена.

Можетъ быть ваше превосходительство изволите заключить изъ непризнанія моего и барщины (или, какъ у насъ говорятъ, панщины) и продажи людей, что я отвергаю вовсе такъ-называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ)? Напротивъ! я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ, и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить незаконныя средства къ приобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобъ злоупотребленія этого права были искоренены, а главнѣйшими изъ сихъ злоупотребленій суть: барщина,

*) Кража въ другихъ случаяхъ наказывается у насъ арестомъ и пеней только.

т.-е. произволь въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ какъ вещей! Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни. Всякой поселанинъ, который, взнося въ общественную сумму цѣну рекрута, поставленную у меня навсегда, какъ вы ниже изволите увидѣть, въ цѣну 2000 дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ въ 600 рублей), пожелаетъ перемѣнить свое званіе, немедленно получаетъ отпускную. И въ семь случаевъ отпускная разумѣется свидѣтельствомъ, которое законы государства требуютъ въ томъ, что предъявитель можетъ безвредно перемѣнить родъ жизни. Сумма, вносимая имъ, доказываетъ неоспоримо: 1) что онъ не будетъ въ тягость никакому обществу, ибо онъ, за продовольствіемъ себя и семейства, могъ своими трудами приобрѣсть ее; 2) что онъ болѣе сего имѣетъ въ запасъ и чувствуетъ себя способнымъ къ другому званію, или къ пользѣ обществу въ городахъ, ибо безъ того не было-бы ему никакой нужды мѣнять извѣстныя выгоды на неизвѣстныя. Онъ все, земледѣльческое собственно, имѣлъ за такую цѣну, за которую не можетъ получить въ другомъ мѣстѣ. Начальства же избѣжать — не можетъ входить и въ мысль его, такъ какъ онъ приученъ къ тому, что господская власть есть только такое же начальство, какое онъ встрѣтитъ во всякомъ другомъ состояніи, только болѣе заинтересованное въ его собственной пользѣ. Гдѣ власть неупотребляется во зло, тамъ она любезна. Впрочемъ легко доказать можно, что никогда законы наши не разумѣли подъ именемъ власти помѣщика безчестнаго права располагать человекомъ какъ скотомъ. Предоставимъ иностранцамъ выражать то, къ чему мы на языкѣ нашемъ и слова не имѣемъ (*Reibeiigenchaft*) и послѣ ужасаться своего собственного выраженія!.

Понужденіе къ выполнению долговыхъ и другихъ обязательствъ также естественно принадлежитъ до полиціи, отъ которой поведеніе никакого поселанина укрыто быть не можетъ. Должникъ, неоплатный безъ вины его, получаетъ пособіе изъ общественной суммы, или отъ добродѣтельныхъ дателей, которыхъ вызывать дума поручаетъ священнику. Неоплатный же по нерадѣнію, которое всегда подразумѣвается, если должникъ не докажетъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ несостоятельность, отдается въ услуженіе кому онъ долженъ и до окончательной выплаты лишается распоряженія своимъ достояніемъ, которое отдается въ опеку.

2) Рекрутская повинность исполняется у меня слѣдующимъ способомъ:

Благочинный, получивъ по начальству предписаніе о предстоя-

щемъ рекрутскомъ наборѣ, оповѣщаетъ о томъ поселянъ чрезъ десятскихъ, о которыхъ сказано выше. Немедленно составляется въ думѣ списокъ всѣхъ поселянъ отъ 19 и до 29 лѣтъ возраста безъ исключенія (дворовые мои люди вносятся въ оный на ряду съ другими). На таковыхъ отмѣченныхъ поселянъ раскладывается цѣна рекрута, которая, вмѣстѣ съ издержками на его отдачу единожды навсегда положена въ 2000 рабочихъ дней (что составляетъ по нынѣшней оцѣнкѣ 600 рублей). Раскладка дѣлается неравномѣрно, но сообразясь росту, лѣтамъ, семейству и достатку поселянина. Для приѣбра донесу вамъ, что нынѣшній разъ на нѣкоторыхъ пришлось по 2 рубля, а на другихъ по 20. Малорослые, на достаточнѣйшихъ изъ которыхъ полагается не свыше цѣны десяти дней работы (нынѣ трехъ рублей), должны непременно заплатить свою долю, ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, но не въ равной, однакожъ, мѣрѣ, а смотря по тому, какъ природа и другія обстоятельства способствуютъ къ освобожденію его отъ оной. Подходящимъ къ указанной мѣрѣ роста предоставляется на волю внести свой пай, или явиться къ выниванію жеребья. Сіе послѣднее происходитъ въ думѣ; вынуженный жеребій, каждый по своему номеру, представляется въ рекрутское присутствіе и приемъ рѣшить кому надлежало быть отданнымъ. Буде бы случилось, что всѣ внесутъ положенное на нихъ по раскладкѣ, то дума назначаетъ сама нѣсколькихъ поселянъ, которыхъ она, по заключеніямъ своимъ, охотнѣе можетъ отдать; сама раздаетъ имъ номера и тотъ же постепенный порядокъ наблюдается при представленіи ихъ въ рекрутское присутствіе. Въ семъ случаѣ взятому въ рекруты деньги возвращаются. Употребленіе собранной такимъ образомъ суммы есть слѣдующее: во-первыхъ, изъ оной отдается рекрутъ со всѣми къ отдачѣ принадлежащими расходами, какъ-то: верхнимъ и нижнимъ одѣяніемъ, доставкой, и пр.; во-вторыхъ, изъ оной же взносятся рекрутскія деньги, кому слѣдуетъ, за излишекъ противу чѣтнаго числа душъ, слѣдовательно, нѣтъ уже надобности въ новой раскладкѣ на эти оба предмета, какъ сіе въ другихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлается; въ-третьихъ, удовлетворятся займодавцы отданнаго въ рекруты, буде таковые имѣются. Остальныя затѣмъ деньги будутъ храниться въ общественной кассѣ, яко принадлежащій ему собственно капиталъ, съ котораго указные 6 процентовъ препровождаются ему ежегодно, каждый разъ по полученіи отъ него черезъ почту извѣстія о его адрессѣ и отъ начальника роты, или эскадрона, гдѣ онъ служитъ, аттестата въ томъ, что онъ похвальнаго поведенія. На послѣдокъ, по возвращеніи его изъ службы на покой, или въ гар-

низонъ, капиталъ сей отдается ему въ цѣлости, яко пособіе на обзаведеніе его домогъ. Ежели служивый изъ сдаточныхъ села Кручика, бывъ отъ службы уволенъ, пожелаетъ поселиться на своей родинѣ, то дума немедленно отводитъ ему дворовое мѣсто, а помѣщикъ предоставляетъ навсегда урочныя десятины пахатной земли и сѣнокоса безъ взысканія обыкновенной повинности. Си два пособія, казалось мнѣ, по справедливости долженъ имѣть служившій столько лѣтъ за отечество отъ того мѣста, которое его на свѣтъ произвело. По сей-то причинѣ принять вышепоказанный періодъ жизни отъ 19 до 29 лѣтъ, не простирая его далѣе до указныхъ годовъ; ибо назначать въ рекруты въ 30 и болѣе лѣтъ, значило бы сулить ему самую печальную будущность: возвратившись со службы онъ не будетъ уже имѣть силъ заводить дома, ниже семейства имѣть, хотя бы случаи службы и не отняли у него здоровья. Въ случаѣ смерти на службѣ нашего рекрута, капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило, т.-е. причисляется къ общественной суммѣ.

Иные, въ семъ распоряженіи о наборѣ будутъ можетъ быть охуждать то, для чего женатые люди не исключены изъ упомянутого списка отмѣченныхъ? Но я отдачу холостыхъ единственно, почитаю большимъ проступкомъ противъ здоровой политики. А почему?... Дабы сберечь здѣсь время и мѣсто, предоставляю собственной проницательности вашего превосходительства.

3) По смерти поселянна, имѣвшаго участки поля, или хуторъ, одинъ изъ его сыновей, имъ самимъ назначенный, или, если онъ не успѣлъ сего сдѣлать, назначенный думою, вступаетъ въ права владѣнія оставленной собственности. Прочіе сыновья, буде кто изъ нихъ не отданъ въ наученіе ремеслу, немедленно получаютъ отъ меня урочные участки; сиротскіе остаются, до возраста малолѣтнихъ, на такомъ же основаніи, какъ и даваемые отставнымъ солдатамъ, т.-е. съ нихъ не взыскивается никакой повинности. Казалось мнѣ, что долгъ мой есть пешись о сиротахъ и дать имъ собственность прежде, нежели можно будетъ требовать отъ нихъ возмездія. Не мнѣ-ли принадлежить, рано или поздно, пристроить ихъ и дать имъ движимую собственность, дабы привести ихъ въ состояніе пользоваться и недвижимою? Дача участковъ въ малолѣтствѣ сіе замѣняетъ, ибо таковыя участки, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, какое по наслѣдству сиротѣ принадлежитъ, отдаются подъ опеку избранному отъ думы поселянину, получающему, въ вознагражденіе за свой призоръ, десятую долю собираемаго съ полей дохода. (Въ законѣ о дворянскихъ опекахъ положено только пять процентовъ, но призоръ опекуна-земледѣльца требуетъ

богѣ трудовъ). Или же предоставляется ему, во избѣжаніе счетовъ, сиротскіе участки обрабатывать въ собственную свою пользу, платя въ общественную казну ежегодно урочную съ каждой десятины повинность, за вычетомъ только десятой доли. И въ семъ случаѣ было нужно назначать уступку, дабы заохотить опекуновъ обрабатывать сіи участки предпочтительнѣе нежели брать ихъ на собственный свой счетъ у помѣщика. Собираемыя тѣмъ или другимъ образомъ деньги, за отдѣленіемъ того, что необходимо на содержаніе малолѣтнаго (который вездѣ въ деревняхъ, начиная отъ пяти лѣтъ, снискиваетъ уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе), вносятся въ общественную кассу. Дума ведетъ счетъ симъ деньгамъ и процентамъ съ нихъ, ибо она сама отдастъ въ ростъ избытки своей суммы и съ преимущественными процентами. И весь накопленный капиталъ, который иногда простираться можетъ до 300 р., по совершеннолѣтіи хозяина, выдается ему на заведеніе.—Если никто изъ назначаемыхъ думою не пожелаетъ взять на себя опекунской должности (что и случилось недавно съ нѣкоторыми сиротами), то званіе опекуна по всѣмъ правамъ принадлежитъ мѣ. И въ такомъ случаѣ я, подобнымъ же образомъ, обрабатывая сиротскіе участки наемными людьми въ мою пользу, дѣлая иногда на нихъ самыя полезныя для поселянъ моихъ опыты, взношу принадлежащія за нихъ деньги въ общественную кассу на упомянутомъ же основаніи. Мать таковыхъ сиротъ опека обязана содержать на счетъ всѣхъ ихъ, до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдіе, удѣляя ей, сверхъ того что она собственными трудами приобрѣсти можетъ, пристойную сумму. Если послѣ умершаго поселянина останутся только дочери, то одна изъ нихъ равнымъ образомъ получаетъ въ наслѣдство отцовскіе участки. Прочія, по усмотрѣнію думы, или отдаются въ наученіе какому либо ремеслу, или получаютъ отъ помѣщика участки полей и сѣновосу, на томъ же основаніи какъ и сыновья, до совершеннолѣтія ихъ. А потомъ, или же при выходѣ въ замужество, онѣ съ своихъ участковъ начинаютъ платить только половину повинности противу мужчинъ. Вдова, оставшаяся безъ дѣтей, наслѣдуетъ также участки своего мужа съ обязанностію половиннаго же платежа; и въ обоихъ случаяхъ сей половинный платежъ продолжаетъ имѣть мѣсто, доколѣ участки по наслѣдству не перейдутъ въ мужскія руки. Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, или дѣвицы, имѣющей участки, въ другое селеніе (казенное, или помѣщичье), она съ мужемъ своимъ властна продолжать пользоваться ими съ тою же повинностію, или же уступить ихъ мѣ, или одному изъ поселянъ Кручика, по добровольному условію. Но дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство оставить уже не можетъ. Плата за выводъ

невѣсть совершенно уничтожена у меня. Сосѣдственныя, казенныя или помѣщичьи, поселяне имѣютъ незатворенныя двери сватать ихъ (съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ я сдѣлалъ въ семь разумѣ взаимное обязательство; впрочемъ, родители должны предварительно извѣстить думу о томъ, куда они выдаютъ свою дочь). Эта мѣра, вмѣсто потери невѣсть для собственныхъ моихъ поселянъ, которою меня угрожали, сдѣлала то, что я имѣю довольно женщинъ за моиими людьми изъ казенныхъ селеній.

4) Училище состоитъ также подъ вѣдомствомъ думы. Она отпускаетъ на оное ежегодно цѣну ста тридцати дней работы, сверхъ экстраординарныхъ издержекъ на починку строенія, построеннаго мною на сей предметъ. Цѣна тридцати дней работы употребляется на подарки вещами ученикамъ, которые отличились при испытаніи, или ихъ родителямъ, если отличіе замѣчено со стороны благопріятія. А цѣна ста дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ 30 руб.) идетъ въ жалованье учителю. Въ дополненіе къ сему предоставлено ему право получать съ родителей учениковъ, по предварительному съ ними условію, въ годъ за каждаго отъ цѣны 3-хъ дней работы, до цѣны 30-ти дней, смотря по достатку поселянина. Испытанія бывають при членахъ думы и родителяхъ; приглашается также и смотритель уѣзднаго училища. Постороннихъ посѣтителей поставлено за правило не имѣть, ибо при простомъ семъ училищѣ, основанномъ на началахъ христіанской религіи, не терпится ни одно средство, несогласующееся съ нею, къ числу которыхъ принадлежитъ возбужденіе тщеславія. Кончившимъ свое ученіе въ приходскомъ училищѣ села Кручика не возбраняется переходить въ уѣздное и тамъ продолжать свои науки на иждивеніи родителей. Постановлено, что въ случаѣ, если губернское начальство, по сообщенію къ нему университета, отзовется ко мнѣ, что кто-либо изъ дѣтей моихъ поселянъ въ уѣздномъ училищѣ обнаружитъ таланты необыкновенныя, обѣщающіе, что онъ вѣдъ земледѣльческаго званія можетъ принести въ щую пользу государству, то я сообразно тому, что сказано выше о возрастныхъ поселянахъ, немедленно выдаю ему отпускную. Но въ семъ случаѣ губернское начальство должно взять на себя понужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земледѣльской работы въ общественную сумму села Кручика, разумѣется въ то время, когда онъ службою государству, или исполненіемъ другого званія по талантамъ своимъ, получить къ тому возможность; ибо, — первое правило, безъ вѣрной надежды на выгоднѣйшую жизнь нѣтъ нужды переимѣнять званія, къ которому кто принадлежитъ; и, — второе, — общество должно быть вознаграждено за потерю своего члена: оно лишилось одного изъ орудій къ несенію общихъ тягостей.

5) Остается мнѣ донести вашему превосходительству о составленіи общественной суммы, о которой я столь часто упоминалъ. Я основалъ сіе составленіе на понятіи моемъ о податяхъ вообще; и оно есть слѣдующее:

Предметъ собирапія податей можетъ быть четвероякій, судя по ихъ назначенію. 1) На содержаніе правительства, пекущагося о цѣлости и благоустройствѣ общества; 2) на охраненіе сей цѣлости извнѣ (содержаніе войска и департамента иностранныхъ сношеній); 3) на охраненіе въ самомъ обществѣ личной безопасности каждаго гражданина (содержаніе полиціи и уголовныхъ судовъ), и 4) на охраненіе и обезпеченіе права собственности (содержаніе гражданскихъ судовъ). Первые три назначенія предполагаютъ личную или такъ-называемую, въ чужихъ странахъ, поголовную подать, независящую отъ сборовъ съ имущества, которые, однакожъ, также, болѣе или менѣе, должны въ ней участвовать. Послѣднее же предполагаетъ одни только сіи сборы. Такимъ образомъ я вижу, что только два рода повинностей основаны на самомъ свойствѣ вещи; или, точнѣе сказать, что существуетъ одинъ только родъ собственно подати, и одинъ — сборовъ. Послѣдній, въ строгомъ смыслѣ, можетъ имѣть два или три вида, не болѣе. Подать личная, или просто подать, должна быть всеобщая, не терпящая никакого исключенія, но умѣренная и для всѣхъ равная, поелику всѣ, отъ первѣйшаго богача, до послѣдняго работника въ рубищахъ безъ собственности и пріюта, имѣютъ одинакую нужду въ охраненіи цѣлости общества, въ охраненіи личной безопасности и въ охраненіи права собственности. Сборъ же съ имѣній, напротивъ, долженъ соотвѣтствовать самимъ имѣніямъ.

Личная подать имѣетъ свои величайшія неудобства, но ихъ отратить можно. Кто, напримѣръ, сомнѣвается въ томъ, что равный платежъ съ младенца, который едва успѣлъ родиться на свѣтъ, который есть только новое бремя своему отцу, и съ взрослога юноши въ полномъ цвѣтѣ силъ его, есть несправедливость? Что таковой платежъ есть даже жестокость, противная здравой политикѣ, вызывающей умноженіе народа и видящей въ немъ свою славу? Земледѣлецъ, обремененный уже пятью сыновьями, изъ которыхъ и старшій не доставляетъ еще никакой ему помощи, а требуетъ содержанія, порадуется ли рожденію шестого? Не покусится-ли онъ, напротивъ, на умерщвленіе въ себѣ чувства, влекущаго его къ бѣдной его половинѣ? Не позавидуетъ-ли тому презрѣнному товарищу его, который, бросивъ земледѣліе и жену, развращается въ городахъ? Къ счастью, при кроткомъ нашемъ правительствѣ и умѣренности личной подати сіи неудобства меньше ощутительны.

Извѣстно, что ни въ одномъ селеніи, помѣщичьемъ-ли то, или казенномъ, подать не собирается по словамъ ревизской сказки, хотя итогъ ея служить основаніемъ податей. Перемены, случающіяся ежегодно въ семействахъ отъ ревизіи до ревизіи, препятствуютъ тому; слѣдовательно, ежегодно бывають новыя раскладки. Индѣ выпускають, обыкновенно, умершихъ и бѣжавшихъ; для наполненія же суммы вводятъ новорожденныхъ; недостатки за симъ раскладываютъ на все общество. Въ другихъ мѣстахъ сложность слѣдующаго ко взносу въ казначейство раскладываютъ на работниковъ селенія, т.-е. на тягла, или заставляютъ ихъ обрабатывать, сверхъ барщины, участки земли, произведенія котораго обращаютъ на уплату всѣхъ казенныхъ повинностей; и такъ далѣе.—Я, принужденъ бывши также изобрѣтать средства для сего домашняго уравненія казенныхъ податей, за взносъ которыхъ я, какъ помѣщикъ, отвѣтствую, распустилъ расположить всысканіе ихъ съ тѣхъ только поселянъ, которые достигли совершеннаго возраста; но съ тѣмъ, что они въ слѣдующіе двадцать лѣтъ повинны заплатить всю недоимку за протекшіе до ихъ совершеннолѣтія двадцать лѣтъ, съ процентами ея. По прошествіи сего времени, т.-е. послѣ сорокового года ихъ жизни, остается имъ платить только одинакую подать въ продолженіи двадцати же лѣтъ; наконецъ, послѣ 60-го года жизни и сія уничтожается. Способъ сей казался мнѣ представляющимъ великія выгоды: во-1-хъ) платежъ будетъ постоянно соответствовать естественнымъ періодамъ силы человѣческой; во-2-хъ) молодые люди, при самомъ вступленіи своемъ на поприще общественной жизни, поставлены въ необходимость трудиться и быть хозяевами, и это должно обратиться въ привычку на цѣлую ихъ жизнь; въ-3-хъ) они, сверхъ того, поощрены каждый къ бракамъ, ибо зная, что неминуемо долженъ онъ платить отъ совершеннолѣтія своего определенную подать, и чрезъ двадцать лѣтъ сряду одинакую, найдеть для себя выгоднѣе поспѣшить жениться и прижить дѣтей, за которыхъ онъ уже не платитъ государству, но которые могутъ ему помогать, бывъ подростками, т.-е. за нѣсколько лѣтъ еще до окончанія срока двойнаго платежа, отцовскаго и до наступленія ихъ собственнаго; въ-4-хъ) пощажены отцы, имѣющіе большія семейства; въ-5-хъ) совершенно освобождены старики, съ нуждою могущіе снискивать себѣ пропитаніе, и тягость платежа снята съ дѣтей, у которыхъ они доживаютъ остатки жизни.

По причинамъ, объясненнымъ ниже, платежъ казенной подати взялъ я собственно на себя: ибо я имѣю счетъ съ уѣзднымъ казначействомъ и я получаю отъ него квитанціи. Взысканіе же помощи мнѣ на пла-

тежъ сихъ податей расположилъ по общему мѣрилу моему, цѣнѣ рабочаго дня, слѣдующимъ образомъ:

Выше сказалъ я, что поселянинъ, по самому безобидному для него счету, издерживаетъ 150 рабочихъ дней въ году, или ихъ цѣну, на то, чтобъ имѣть собственность. Равное же число дней, при помощи обыкновенныхъ благодѣяній природы, совершенно достаточно на то, чтобъ заставить сию собственность принести лихву свою, т.-е. его удовольствіе. Воскресенья и сверхъ оныхъ десять праздниковъ слѣдуетъ исключить: сіи 62 дня необходимо должны посвящаться религіи, отдохновенію и радостамъ жизни. Затѣмъ остается еще три дня въ году. Куда приличнѣе употребить ихъ какъ не на службу государству, т.-е. на взносъ личной подати?

На семъ основаніи принялъ-было я цѣну трехъ дней земледѣльческой работы мѣрою казенной повинности для одного лица, уравнивая всѣ возрасты. Три дня работы въ году, или, по нынѣшней оцѣнѣ, 90 копѣекъ, не составитъ никакого затрудненія и для немѣющаго вовсе собственности подданнаго. Но вышедшій въ нынѣшнемъ году высочайшій манифестъ заставилъ меня прибавить еще четвертый день и назначить постоянную мѣру казенной повинности для всѣхъ живущихъ у меня людей мужескаго пола, въ 1 р. 20 к. Это и продолжится до тѣхъ поръ пока правительство, выведя изъ обращенія избыточное число ассигнацій, возстановитъ цѣну денегъ, слѣдовательно и личная подать, которая на массѣ ихъ въ государствѣ основана, естественно уменьшена будетъ. Но 1 р. 20 к., неплатимые втеченіи 20 лѣтъ, составятъ, съ процентами, сорокъ четыре рубля; слѣдовательно, молодой поселянинъ, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ нести на себѣ казеннаго долга 44 р. Онъ можетъ или уплатить оный единовременно, или, что для него гораздо выгоднѣе, расположить выплату на слѣдующіе 20 лѣтъ. Если, по примѣру 20-лѣтняго банка, и взявъ въ разсужденіе прибавленный нынѣ шестой процентъ, также рискъ, предстоящій для казны отъ смертныхъ случаевъ, вмѣсто прежнихъ банковыхъ осьми положить десять процентовъ ежегоднаго взносу съ капиталной суммы, то придется ему платить по 4 р. 40 к., а съ приложеніемъ ежегодной, или текущей подати (1 р. 20 к.), всего пять рублей шестьдесятъ копѣекъ; т.-е. цѣна $18\frac{2}{3}$ дней работы въ годъ (а по прежнему предположенію 14 дней),—между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ отцамъ семейства приходится очень часто платить въ полтора раза болѣе сказанной суммы.

Чтобъ доказать вашему превосходительству, что казна не потеряла бы ничего при такомъ распоряженіи, донесу, съ живого примѣра, что, по счету въ селѣ моемъ, подать четырехъ

рублей двадцати копѣекъ для взрослыхъ до сорока-одного года жизни, и девяноста копѣекъ отъ сорока одного года до шестидесяти-перваго года составляетъ	418 р. 50 к.
Подать пяти рублей шестидесяти коп. для первыхъ, и рубля двадцати коп. для послѣднихъ, составила бы	558 > —
Наконецъ подать семи рублей для первыхъ, и одного руб. пятидесяти коп. для послѣднихъ составила бы	697 > 50
Дѣйствительно же платимая, на основаніи итога ревизской сказки, подать, съ накладными и пр., составляетъ	478 > 89

Я положилъ навсегда довольствоваться первою суммою, основанною на взисканіи съ взрослыхъ земледѣльцевъ цѣны 14 дней работы, какъ бы ни были многочисленны ихъ семейства, а цѣну трехъ дней работы отъ сорокъ перваго до шестидесятъ перваго года жизни. Недостающее же къ тому въ массу казенной подати, какова бы она ни была въ предбудущее время, долгомъ поставилъ прибавлять изъ собственныхъ денегъ, чтобъ не дѣлать перемѣны въ едва установившихся постановленіяхъ.

До сихъ поръ я говорилъ вашему превосходительству о личной подати, принадлежащей государству. Перехожу къ общественному сбору.

Село мое, какъ ни мало по числу жителей, но имѣетъ тѣже надобности, какъ и большія общества (города, столицы). Ежели я сему малому обществу возвращаю всѣ его гражданскія права и себя заключаю въ предѣлахъ съ нимъ общихъ, то самая справедливость требуетъ, чтобъ оно несло тѣ повинности, которыя охотно принимаютъ на себя большія общества ради сохраненія собственности и личной безопасности, сихъ двухъ главныхъ предметовъ общественной жизни. Имѣя судъ и расправу, на правилахъ основанные, имѣя полицію, поселяне мои должны содѣйствовать къ ихъ содержанію. Несправедливо было бы возложить всю сію тяжесть на меня одного: я не что иное какъ ихъ согражданинъ. Приношеніе имъ моего времени, моего покоя, есть уже жертва, которая остается неоплаченною. Прилично ли требовать отъ меня новой?

Итакъ, обращаясь къ вышензображенному понятію о подати и сборѣ, я суммы, потребныя на содержаніе моего малаго общества въ порядкѣ, располагаю уже не на лица, но на имущества.

По расчисленію нуждъ нашихъ достаточно, если каждый владѣлецъ участковъ внесетъ въ пользу общества съ десятины пахатной земли цѣну полутора дни работы въ годъ; что составляетъ, — оцѣны десятины какъ выше сказано, въ 150 дней работы, сотую долю цѣны ея. Сѣнокосъ считать не слѣдуетъ, какъ на продовольствіе одного скота служацій. Около тысячи десятинъ пахатной земли состоитъ

въ пожизненномъ оброкѣ, т.-е. въ полномъ владѣніи у моихъ поселянъ; что составитъ сумму, равную цѣнѣ 1500 дней работы. Я получаю отъ сей земли доходъ равный съ ними, ея владѣльцами; слѣдовательно справедливость требуетъ, чтобъ и я платилъ обществу равную всей сложности ихъ сумму. Но какъ я, по личнымъ для меня отношеніямъ, въ которыхъ они нисколько ни участвуютъ, принадлежу и къ другому, большому обществу, т. е. государству, котораго и членъ прежде ихъ, или лучше сказать, для котораго я, по законамъ, въ одномъ моемъ лицѣ всѣхъ ихъ представляю, то и долженъ я раздѣлить сей мой платежъ на двѣ доли. ибо собственность у меня одна, а обязанностей двѣ: въ отношеніи малаго и въ отношеніи большого обществъ. Не входя въ вычисленія, неудобовозможныя по неимѣнію данныхъ задачи, обѣихъ сихъ моихъ обязанностей (какъ, на примѣръ, въ отношеніи поселянъ, вспоможеніе имъ въ недородѣ, и пр. и пр.), скажу только, что мнѣ казалось, что я, какъ помѣщикъ владѣемой ими земли, плативъ половину того, что всѣ они вообще вносятъ, дѣлаю едва ли не болѣе, нежели отъ меня потребовано быть можетъ. Другую половину долженъ я сберегать на тѣ сборы, которыхъ большое общество въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ своего сочлена. Въ отношеніи къ нему все имѣніе мое есть моя собственность, и она призрѣна и ограждена правительствомъ посредствомъ войска, судебныхъ мѣстъ, полиціи... Въ семъ-то разумѣ я отдѣляю часть другой половины общественныхъ сборовъ на дополненіе казенной съ поселянъ моихъ подати; въ семъ разумѣ несу, безъ участія ихъ, всѣ платежи по экстраординарнымъ отъ правительства предписаніямъ.

Весь сборъ, поступающій ежегодно на общественныя нужды села въ его кассу, составляетъ теперь, на вышеизложенномъ основаніи, 675 рублей, или, по неизмѣняемому счету, цѣну двухъ тысячъ двухъ сотъ пятидесяти дней работы.

Сія сумма не только совершенно достаточна на всѣ наши нужды, но, при помощи доходовъ чрезвычайныхъ, остается еще избытокъ, употребляемый на раздачу поселянамъ въ займы, какъ выше я имѣлъ честь донести. Чрезвычайные доходы, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, извѣстны уже изъ сказаннаго выше; сверхъ того причисляются къ нимъ: добровольныя приношенія отъ богатыхъ поселянъ, нени съ виноватыхъ, сборъ съ отпусковъ изъ села (въ обузданіе тѣхъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта ходятъ за солью или за рыбой), двадцатый улей каждую осень, собираемый со всѣхъ пчельныхъ хозяевъ, и проч. Само собою разумѣется, что и помѣщикъ подчиненъ сему послѣднему сбору на ряду съ другими.— Ваше превосходительство можете судить о нашей общественной Кре-

сто-Воздвиженской суммѣ изъ того, что въ прошедшемъ году вошло въ кассу 1717 рублей съ копѣйками, полагая, однако, въ семъ же счету и казенныя подати, составляющія 478 р. 89 коп.

Въ числѣ расходовъ я еще не именовалъ: 1) жалованье священнику, составляющее цѣну 833¹/₂ дни работы, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 250 руб.; 2) жалованье дьячку и пономарю, вообще 331¹/₂ дн. раб., или 100 р., кромѣ участковъ земли, которыми они владѣютъ на ряду съ поселянами, но безъ взысканія съ нихъ повинности. Священникъ и они не получаютъ уже никакой платы отъ поселянъ за исполненіе своей должности, т.-е. за мірскія требы. Распоряженіе это, освобождающее ихъ отъ всякой, отъ поселянъ и меня, зависимости, подтверждено уже святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ въ 1806 году. 3) Цѣна ста дней работы ежегодно назначается для награжденія отъ думы двухъ лучшихъ земледѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ цѣну 80-ти дней, а другой, какъ *accessit*, 20-ти. Сіе награжденіе дѣлается торжественно по окончаніи жатвы, и именно въ храмовой нашъ праздникъ Воздвиженія Креста Господня.—4) Расходы на починку церкви; 5) содержаніе сельской аптеки и подлекаря; 6) жалованье сторожу при думѣ, и наконецъ 7) матеріальное (канцелярское) ея содержаніе.

Я бы могъ донести вамъ, м. г., еще нѣчто о правилахъ, на которыхъ раздается общественная сумма поселянамъ въ займы; о сбереженіи и разведеніи лѣсовъ отдачею ихъ также въ собственность поселянамъ, на опредѣленныхъ правилахъ; о мѣрахъ, которыя приняты для ограниченія разныхъ привычекъ здѣшняго народа, вредныхъ земледѣлю; о способѣ взысканія долговъ, и проч. и проч. Но я опасаясь занять васъ подробностями, кои меньше достойны замѣчанія вашего нежели то, что я необходимостію смѣлъ сказать до сихъ поръ. Но чтобы нѣкоторымъ образомъ замѣнить и сей недостатокъ, я прилагаю у сего алфавитъ постановленій нашихъ вообще, такъ какъ они внесены въ записки думы. По крайней мѣрѣ содержанія оныхъ будутъ вамъ извѣстны.

Изъ всего вышепредставленнаго мною ваше превосходительство можете судить: помѣняются ли мои поселяне на состояніе работниковъ англійскихъ фермеровъ, работниковъ, лишенныхъ не только всякой недвижимой собственности, но большею частію и всякой надежды имѣть ее когда-либо? Вы, также, лучше меня можете судить: нашель ли я середину между безпечностію капиталиста, для котораго *ubi bene ibi patria* и употребленіемъ помѣщичьихъ людей какъ рабовъ, которыми упрекаютъ насъ чужестранцы? Впрочемъ я отнюдь не вообра-

жаю себя изобрѣтателемъ; я знаю, напротивъ, множество сельскихъ учреждений подобныхъ моему и увѣренъ, что мысль о такомъ отношеніи между помѣщиками и ихъ поселенями, какое я здѣсь имѣлъ честь изобразить, есть общая мысль російскаго дворянства, и какъ бы ему врожденная. Тысячи благодѣтельныхъ заведеній въ разныхъ мѣстахъ, отъ Двины и Волги до Днѣстра,—искренняя привязанность большей части поселенъ къ ихъ помѣщикамъ, несомнительно это доказываютъ. Я вижу, съ одной стороны, начальниковъ, которымъ званіе представляетъ способы быть просвѣщеннѣе своихъ подчиненныхъ, а собственная польза и честь, кромѣ другихъ чувствованій, велятъ любить ихъ;—съ другой, вижу дѣтей, которымъ нужны отцы. Правда, можно находить въ пространномъ нашемъ царствѣ и противное тому, но,—есть-ли въ природѣ вещей добро безъ зла? И какое званіе свободно отъ упрековъ, что въ немъ были изверги? Взгляните на исторію..

Политическія начала наши основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библии. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпное!), но репрезентанты Того, Который „владѣеть царствами и ему же хочеть дать“. Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣстницы существъ представляетъ, для подчиненныхъ себѣ, то первообразное лицо, которое его на чреду поставило. Сямъ обеспечивается подчиненность, а подчиненностію обеспечивается порядокъ въ государствѣ. Древняя, донныѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ уцѣлѣвшая въ Россіи гіерархическая зависимость—есть нить связующая Государя съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Государь—сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все, есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но гіерархическая нить, скрываясь отъ бранныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ.

Въ заключеніе сего письма откровенно скажу вамъ, м. г., какъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ чиновниковъ въ Имперіи, слѣдующую мысль: Правительство наше, подлинно-благотворное по свойству своему и по личнымъ качествамъ возлюбленнѣйшаго нашего государя, едва-ли не болѣе могло бы сдѣлать пользы русскому народу вліаніемъ, какое оно въ состояніи имѣть на помѣщиковъ, направленіемъ, какое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, чѣмъ освобожденіемъ такъ-называемыхъ рабовъ, тѣмъ или другимъ способомъ, изъ мнимой неволи. Я смѣю думать также, что тѣ изъ насъ, мелкопомѣстныхъ, которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій всѣ состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя, Провидѣніемъ и ко-

ренными законами на нихъ возложенное, для того чтобъ 'съ капиталами своими погрязнуть въ лѣности и развращеніи городовъ, чтобъ быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго.

Имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Января 30 дня 1810 года.

III.

Записка, препровожденная мая 5-го дня 1820 года къ императору Александру Павловичу графомъ М. С. Воронцовымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ, чрезъ руки статсъ-секретаря графа Каподистріа.

„Нѣсколько помѣщиковъ, бывъ одушевлены чистымъ доброжелательствомъ къ любезному нашему отечеству Россіи, искреннѣйшею благодарностію къ великому ея государю и чувствованіемъ обязанностей дворянства, къ которому за честь поставляютъ принадлежать, имѣютъ намѣреніе составить общество подъ руководствомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго цѣлю должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ. Они увѣрены, что таковое удаленіе единаго справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло не только справедливое, но и благородное. Но, какъ всякое подобное намѣреніе не можетъ и не должно имѣть своего начала безъ высочайшаго соизволенія, то и повергается сія мысль на всемысливѣйшее возрѣніе премилосердаго государя нашего, безпрестанно пещагося о благѣ своихъ подданныхъ“.

Примѣчаніе на копиі съ записки: Подлинную записку подписали, кромѣ вышеозначенныхъ гг. генераль-адъютантовъ, братья Александръ и Николай Тургеневы, и, можетъ быть, еще кто; но мнѣ неизвѣстно.

В. Каразинъ.